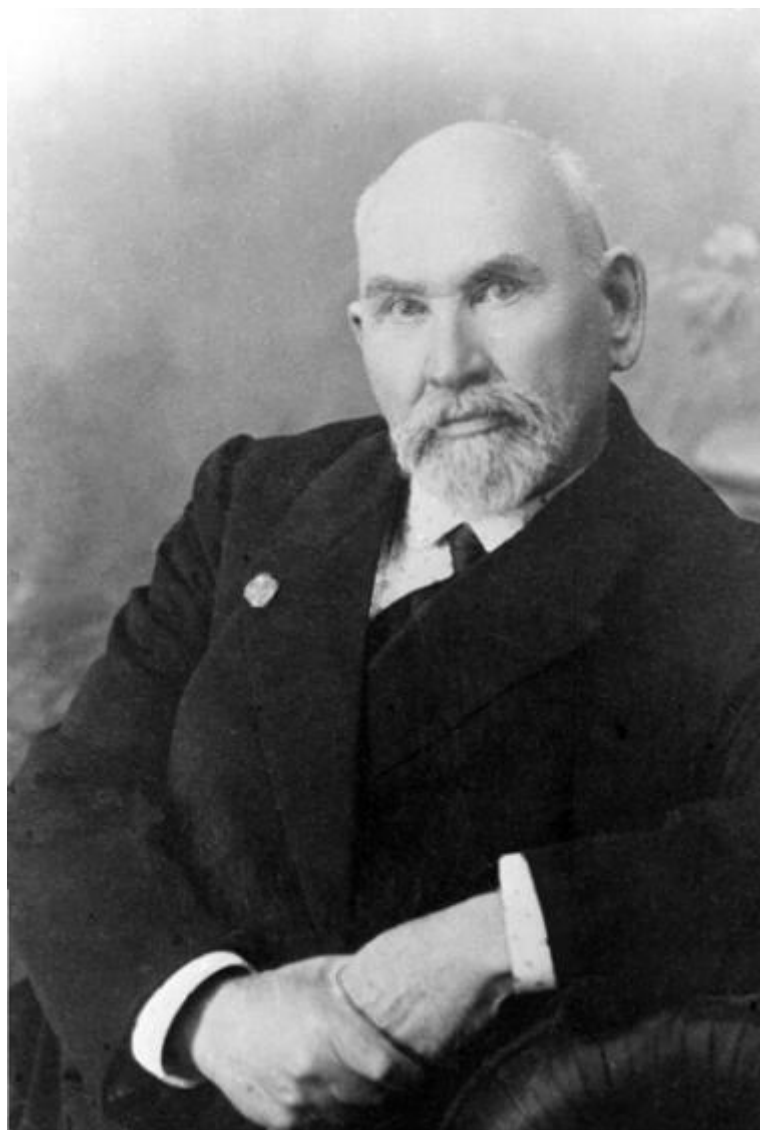


„ДЕДУШКА ПЕРМСКОГО ПРОГРЕССА“

Доктор П. Н. Серебренников

ОТ АВТОРА

Было время, когда имя Павла Николаевича Серебренникова хорошо знали в Перми и Прикамье. Его называли «пермским Гаазом», «вторым доктором Гралем», «дедушкой пермского прогресса».



Павел Николаевич Серебренников

Источник фотографии - Электронная энциклопедия «Пермский край»

О П. Н. Серебренникове написано немало статей и биографических заметок. Но все они слишком скупы, не дают полного представления об этом замечательном человеке, не лишены некоторых неточностей и искажений. И все-таки они отражают выдающуюся роль П. Н. Серебренникова в истории культурной жизни Прикамья. Он был одним из основателей

краеведческого музея, в течение десяти лет бессменным его руководителем, сумел поднять музейное дело в Перми на такую высоту, что слава музея шагнула далеко за пределы края.

Автор выражает глубокую благодарность писателю А. Д. Крашенинникову, доктору медицинских наук, профессору В. Т. Селезневой и семье Е. М. и Е. П. Нечаевых за ценные советы и помощь при написании книги.

Годы становления

Павел Николаевич Серебренников родился 12(26) февраля 1848 года в селе Архангельское Соликамского уезда Пермской губернии. Село это и поныне стоит на слиянии рек Иньвы и Велвы. Каменная церковь, волостное правление, две торговые и одна винная лавка были достопримечательностями села. Жители его занимались земледелием, в свободное от сельскохозяйственных работ время заготавливали и возили дрова на Майкорский, Пожевской и Чермозский заводы.

Отец Павла Николаевича — Николай Павлович Серебренников — окончил в 1840 году Пермскую духовную семинарию. Вначале он служил дьяконом, а затем священником в селах Соликамского уезда. Для своего времени он был человеком образованным и культурным. Население его уважало за справедливость и кристальную честность. Умер Николай Павлович в 1867 году в возрасте пятидесяти лет.

В семье Серебренниковых было девять детей: трое мальчиков и шестеро девочек. Содержать такую большую семью на скудное жалование сельского священника было очень трудно. Часто приходилось жить впроголодь. Но тем не менее все дети Николая Павловича знали грамоту, умели читать и писать. Сыновья, Петр и Алексей, смогли даже окончить Пермское уездное духовное училище.

Годы детства Павел Николаевич провел в селах, где служил его отец. В жестокие морозы или в осеннюю слякоть маленький Павел наблюдал, как, надрываясь от натуги, волокли повозки с дровами для заводов тощие низкорослые лошаденки, а возле них семенили в домотканых холщовых рубахах и портах возницы. В особенно голодные, неурожайные годы он часто слышал, как вопили по дворам женщины и озверело матерились их мужья, пропивающие с горя все. Эти жуткие картины неприглядной деревенской жизни врезались в память мальчика навсегда.

Тяжелый крестьянский труд хорошо был знаком и детям сельского священника. Быт их мало чем отличался от быта окружающих. Правда, в доме всегда было чисто, икон побольше, и, главное, они обучались грамоте.

Однажды ранним утром сразу после службы, основательно закусив на дорогу, отец отвез Павла в Соликамск учиться в уездном духовном училище, единственном доступном для ребенка из бедной семьи учебном заведении. Так началась для Павла новая жизнь: отрочество, юность, долгие годы ученья.

О том, что представляло из себя в то время Соликамское духовное училище, хорошо рассказано в очерках местного бытописателя Т. Л. Пузова, написанных по случаю 50-летия училища. Открыто оно было в 1838 году и в период учебы в нем Серебренникова находилось в плачевном состоянии. За неимением казенного здания училище помещалось в частном двухэтажном доме. Нижний этаж его, первоначально построенный без окон и имевший

назначение подвала, был приспособлен под классы. Хотя в стенах и были пробиты окна, освещение, особенно в зимнее время, было очень плохое.

Верхний этаж, состоявший из двух комнат, был отведен под общежитие, или, как тогда называли, пансион для приезжих учеников. Здесь было немного светлее и воздух чище, но для 42 человек, живших в нем, помещение было неимоверно тесным. Для выполнения домашнего задания ученики вынуждены были располагаться в коридоре, где стояли два больших стола.

Все здание училища было чрезвычайно ветхим, в стенах зияли сквозные щели. Владелец дома, смотритель училища, о его ремонте нисколько не заботился, хотя деньги на ремонт, как утверждает Пузов, духовное ведомство ему отпускало исправно.

Не лучшим было положение и учеников, живших на частных квартирах по 8—9 человек. Кроватей вообще не было, и все спали вповалку на полу, укрывшись ветхой одеждой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что все ученики непрерывно болели. У большинства не было обуви, и в любую погоду они ходили босиком. Зимними вечерами, готовя дома уроки, зажигали лучину. Пища была крайне скудной: каждый из них, идя в училище, должен был нести с собой ломоть черного хлеба.

Успехи обучения и дисциплина в училище поддерживались одним способом, ставшим в России традиционным, — розгами. Случалось, что в течение урока одного ученика наказывали несколько раз. Иногда розги заменялись дерганьем за уши, постановкой провинившихся коленями на ребро парты с охапкой дров в руках.

С жестокостями, царившими в училище, мирились не все ученики, некоторые из них спасались бегством. Но их ловили и для предупреждения нового побега надевали железный ошейник с цепью, прикрепленной к большому деревянному обручку. Бывали случаи, сообщает Пузов, что ученики снова убегали вместе с цепью и бревном.

Павлу за годы обучения пришлось хлебнуть немало горького, но все же он закончил училище в числе лучших и мог рассчитывать на дальнейшее казенное обучение в Пермской духовной семинарии. Пришел день, когда он с радостью ступил на порог большого, необычайно просторного, как показалось после тесного и грязного училищного дома, здания над Камой. Здесь легко дышалось, здесь жизнь должна была приобрести иной, более разумный и понятный смысл.

Большое значение в этом среднем учебном заведении духовного ведомства придавалось поддержанию строгого внутреннего распорядка, при помощи которого, словно солдат в армии, вымуштровывали семинаристов, приучали их к чинопочитанию, послушанию и кротости, заставляя вставать в шесть часов утра и натошак читать утреннюю молитву, присутствовать на всех утренних богослужениях в семинарской церкви. После молитвы живущие в общежитии ученики допускались в столовую пить чай. С двух до пяти часов семинаристы были предоставлены самим себе. С пяти до девяти часов вечера — выполнение домашних заданий. В 23 часа после вечерней молитвы — отбой. Распорядок дня семинарист мог нарушить по единственной уважительной причине: заболел и попал в больницу. За соблюдением режима строго следили воспитатели и инспектора семинарии.

Распорядок дня дополнялся правилами поведения семинаристов, утвержденными синодом. Они запрещали посещение публичной и частной городских библиотек и получение книг из них: «виновный в чтении, а равно и виновный во внесении такой книги в семинарию, подвергается строгому взысканию». Правилами не дозволялось курить табак, носить длинные

волосы, блузы, красные и цветные рубашки с косым воротом, играть на деньги, продавать всякого рода вещи, а также... удить рыбу, плавать в лодке, купаться в реке, посещать театры, концерты, маскарады, цирки, клубы, трактиры, публичные и увеселительные места, иметь при себе холодное и огнестрельное оружие. Этими же правилами было запрещено проведение стачек в классах семинарии. Семинарское начальство душило всякие проблески мысли в семинаристах, бдительно охраняя «благонаравие» своих питомцев. Оно пресекало возможность общения их с в несеминарским миром и доходило в своих преследованиях до утомительной мелочности.

Тем не менее семинарская действительность гораздо сильнее влияла на формирование личности, восстановление ума и характера молодых людей. Ею управляли не уставы и циркуляры, а законы общественного развития, политические события в стране и все то, что не укладывалось в сухие, узкие догмы семинарщины, но что никак не могло миновать любопытных, пытливых молодых людей. Они испытывали жгучий интерес ко всему происходящему в мире и сами начинали принимать в нем деятельное участие.

Ко времени поступления П. Н. Серебренникова в семинарию еще свежа была память о деятельности и разгроме жандармами в 1862 году революционно-демократического кружка, возглавляемого А. Д. Топорковым. Кружок этот являлся наиболее действенной и крупной ячейкой общегородской организации, основанной А. И. Иконниковым. 60-е годы XIX века вызвали невиданную прежде активизацию общественной жизни среди учащейся молодежи. «Это было удивительное время, — вспоминал писатель - публицист Н. В. Шелгунов, — время, когда всякий захотел думать, читать и учиться и когда каждый, у кого было что-нибудь за душой, хотел высказать это громко. Спавшая до того времени мысль заколыхалась, дрогнула и начала работать. Порыв ее был сильный, и задачи громадные. Не о сегодняшнем дне шла тут речь, обдумывались и решались судьбы будущих поколений, судьбы всей России...»². Эти слова Шелгунова можно в полной мере отнести и к передовой части пермской семинарской молодежи. В семинарии существовала тайная библиотека, в которой были сосредоточены естественнонаучная литература материалистического направления, работы Дарвина, Сеченова, Тимирязева, социально-экономические произведения Добролюбова, Писарева, Чернышевского и других революционеров-демократов. Здесь были номера «Колокола», «Полярной звезды». «Подпольная библиотека, — писал в своих неопубликованных воспоминаниях бывший семинарист А. Н. Шишов, — создавалась годами, десятилетиями, просуществовала в тайниках семинарии свыше пятидесяти лет. В общей сложности в подпольной библиотеке в разное время книг насчитывалось 300—600 экземпляров. К пользованию библиотекой допускались ученики, оттолкнувшиеся от «старого берега», подготовленные к этому, проверенные, определившиеся как «мыслящие реалисты» Несмотря на жесткий семинарский режим и частые исключения семинаристов за непослушание, учащиеся протестовали против казенно-иезуитских порядков, против учителей-невежд и самодуров, устраивали тайные сходки, издавали нелегальный рукописный журнал, переписывали и распространяли прокламации. Событием в семинарии считалось появление того или иного, молодого преподавателя, недавно окончившего учебное заведение. Их с каждым годом становилось все больше и больше, несмотря на антагонизм по отношению к ним педагогов-стариков. Они были преподавателями другого поколения, воспитанного на произведениях Писарева, Герцена, Белинского. Их уважали и любили семинаристы, тянулись к ним и вспоминали всю жизнь.

Не мог забыть их и Павел Николаевич. Через тридцать лет он скажет: «Будучи воспитанником бурсы, я должен все же сознаться, что первая искра человечности зародилась у меня здесь, в семинарии, благодаря некоторым учителям, имена которых я всегда вспоминаю с

чувством благодарности. Позвольте же мне произнести эти дорогие для меня имена: П. А. Попов, В. И. Огнев, П. Б. Кокшаров, М. И. Капустин и др.»⁴

Особенно большая дружба связывала П. Н. Серебrenникова с В. И. Огневым, преподавателем словесности. Между ужином и сном, когда надзор инспекции несколько ослабевал, семинаристы собирались кружком в укромном месте, читали вслух недозволенные статьи, стихи, обсуждали их, спорили. Среди них постоянно находился и Павел Серебrenников, уже тогда отличавшийся независимым характером, смелостью суждений, широким кругозором.

В последние годы учебы семинаристы начинали более серьезно задумываться над своей будущностью и часто обсуждали этот вопрос между собой. Далеко не каждого из них устраивала скромная должность священника где-нибудь в захолустной деревушке. Многие считали семинарию своего рода трамплином к поступлению в высшие учебные заведения. Манили Петербург, Москва, Казань с их университетами, академиями, институтами, библиотеками, музеями, театрами.



Василий Никифорович Шишонко

У П. Н. Серебренникова тоже созрело твердое решение сойти с того жизненного пути, на который его толкнули материальные обстоятельства. Он хотел приобрести профессию врача, по его глубокому убеждению, — самую нужную людям. Но он был беден, ему нечем было платить за учебу, не на что было жить. Помогло знакомство с известным пермским историком, врачом по образованию, В. Н. Шишонко, которому Серебренников помогал в свободные часы разбирать огромный личный архив. Шишонко убедил Пермскую губернскую земскую управу, а точнее, ее председателя, крупного общественного прогрессивного деятеля и издателя Д. Д. Смышляева, назначить способному молодому человеку небольшую стипендию на все время его учебы⁵.

Пройдут годы, и П. Н. Серебренников скажет: «Много я обязан в деле своего умственного развития покойному теперь другу В. Н. Шишонко, который впервые посвятил меня в тайники местных исторических архивных материалов путем совместного разбора огромного количества архивных дел, относящихся к пугачевскому бунту в пределах Пермской и смежных губерний. Благодаря ему же, а также Д. Д. Смышляеву, я, будучи сиротой без средств, получил стипендию. Перед Пермским губернским земством я остаюсь всегдашним неоплатным должником...»⁶ Осенью 1870 года П. Н. Серебренников был зачислен в число студентов Петербургской медико-хирургической академии. Здесь он сразу почувствовал себя в своей среде. Вместе с ним учились такие же бывшие семинаристы, которые впоследствии говорили о себе, что они выучились на «медные гроши». Дворянские сынки считали непрестижным учиться на лекарей: они поступали в военные учебные заведения или в университеты. Поэтому, может быть, медико-хирургическая академия была самым демократическим вузом столицы. В течение всего XIX века ее студенты вместе с преподавателями принимали активное участие в ликвидации народных бедствий: эпидемий, эпизоотий, голода. Во время войн в академии организовывались досрочные выпуски, и молодые лекари отправлялись на поля сражений. Библиотеку академии называли «якобинским клубом». Выступления студенческой молодежи, начавшиеся с выдвигания внутри академических требований, приобрели в дальнейшем общеполитический характер.

Павел Николаевич с благоговением вспоминал годы, проведенные в академии. Он считал, что ему необыкновенно повезло уже только потому, что его учителями были корифеи отечественной науки: С. П. Боткин, В. Л. Грубер, Н. Н. Зинин, М. М. Руднев, П. Ф. Лесгафт, А. П. Бородин, Э. А. Юнге, И. М. Сеченов и др. «Эти учителя не только учили нас, — говорил Павел Николаевич, — но и своим примером указывали нам на истинные обязанности человека и на высокое призвание врача. Их деятельность показывала нам, что в них наука и знание переплетались неразрывно с сочувствием и любовью к человеку. Их сердца горели страстным влечением к великой и прекрасной задаче — служить облегчению людской доли. Они считали, что звание врача налагает обязанность быть представителем науки и активного человеколюбия»⁷.

Как и в семинарии, в академии существовала внутренняя студенческая жизнь, в которой основное место занимали борьба за кусок хлеба насущного, выработка своего мировоззрения, самоутверждения, дружба, товарищество, любовь. Павел быстро сблизился с группой активных революционно настроенных студентов, связанных с народниками, распространявших нелегальную литературу, создававших кружки, призывавших идти в народ. Кружок, куда входил Серебренников, под влиянием романа Чернышевского «Что делать?» решил в обыденной жизни пользоваться лишь самым необходимым, ограничивая себя в одежде, домашней обстановке, питании и т. д. Кроме того, Павел организовал из студентов-земляков артель переплетчиков, для чего был арендован небольшой домик. Общими силами оборудовали мастерскую и приступили к делу. Конкурировать с профессиональными переплетчиками они, конечно, не могли, и заработок был небольшой, но все же служил некоторым подспорьем.

В 1871 году в медико-хирургическую академию поступил будущий писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк, с которым Серебренников был знаком еще по Пермской духовной семинарии. В академии они проучились вместе до перехода Мамина-Сибиряка в 1874 году в Петербургский университет. Павел высоко ценил творчество своего соученика и тепло отзывался о нем в своих воспоминаниях.



Серебренникова Евгения Павловна

Источник фотографии - «О Земле Уральской»

В 1872 году произошло знаменательное событие, внесшее в жизнь академии новую живительную струю: при академии в виде опыта был открыт четырехгодичный особый женский курс для подготовки ученых акушерок. Этим мероприятием правительство рассчитывало удовлетворить растущее стремление русских женщин к высшему, в частности и медицинскому, образованию и в то же время сократить число учащих женщин за границей, где они легко могли попасть под влияние чуждых русскому самодержавию идей. В академических аудиториях, кабинетах, клиниках, библиотеке замелькали юные девичьи лица. Студенты быстро перезнакомились с девушками и, как могли, оказывали им помощь и морально, и материально:

подыскивали жилье, снабжали их учебниками, конспектами лекций, помогали в освоении нелегких медицинских наук. Теперь часто можно было встретить юношей, деловито беседующих с девушками-курсистками в перерывах между лекциями где-нибудь в коридоре у окна, а вечерами занимающихся совместно в библиотеке. Павел Николаевич, человек не робкого десятка, также вскоре познакомился с одной из них. Энергичная, веселая, любопытная, с густой русой косой, она внешне казалась полной противоположностью студента Серебренникова: порывистая, острая на язык, быстрая в движениях Венечка, как звали ее подруги, и вдумчивый, снисходительно терпеливый, всегда выдержанный, несколько медлительный Павел. Евгения Павловка Солоннина также была с Урала, из Екатеринбурга. Это обстоятельство их еще больше сблизило. Осенью 1876 года они обвенчались, отпраздновали скромную студенческую свадьбу. На одной из отдаленных улиц Петроградской стороны молодожены сняли дешевую квартиру, состоявшую из двух меблированных маленьких комнат. В таких же недорогих, вполне студенческих квартирах они останавливались и после окончания учебы, когда приезжали в столицу на более или менее продолжительное время, если не шли к брату Евгении Павловны, жившему здесь постоянно и служившему в Государственном банке. Делали они это не по скупости, которой оба были начисто лишены, а по равнодушию к комфорту, удобствам жизни. 5 декабря 1876 года Павел Николаевич получил диплом на звание лекаря. Профессора рекомендовали ему остаться еще на три года при академии для подготовки к ученому званию. Но назревала русско-турецкая война (1877—1878), и армия нуждалась в медицинских кадрах. Серебренникову, попавшему в один из трех ускоренных выпусков, пришлось в числе других срочно отправиться на Балканы. Он был определен младшим врачом 18-го подвижного артиллерийского полка.

В этой войне, пользовавшейся большим сочувствием и поддержкой всей прогрессивной общественности, участвовали лучшие медицинские силы страны. Из Петербургской медико-хирургической академии, кроме ее выпускников, на фронт уехали такие видные ученые-профессора, как С. П. Боткин, А. П. Доброславин, Н. В. Склифосовский и др.

Деятельность медиков на Балканском фронте протекала в чрезвычайно трудных и сложных условиях. Ощущалась постоянная нехватка медперсонала, остро не доставало медикаментов и перевязочных средств, санитарного транспорта. Санитары, медицинские сестры, врачи, работавшие на перевязочных пунктах и в полевых лазаретах, часто гибли от пуль неприятеля.

Выпускники Петербургской медико-хирургической академии показали на фронте не только образцы мужества и стойкости, но и высокий уровень медицинской подготовки. О своей встрече под Плевной 7 ноября 1877 года с подвижным госпиталем, медицинский персонал которого составляла молодежь, с душевной теплотой писал С. П. Боткин. Высоко ценил работу молодых врачей на фронте и другой корифей русской медицины — Н. И. Пирогов.

Двадцать лет спустя, уже работая в Перми, Павел Николаевич говорил о своем участии в этой войне следующее: «По окончании курса в академии прямо из-за ученической скамьи я был послан на войну. Это — самое лучшее, счастливейшее время моей жизни, когда я на опыте, с особенной очевидностью мог убедиться, насколько обязанность врача высока и важна. Мы, врачи, тогда должны были исправлять то, что уродовала война. У каждого из нас на руках ежедневно было более сотни больных. Заболей или умри один из нас — и эти сотни останутся без всякой медицинской помощи, на произвол судьбы. Я говорю вам, что такой практической школы, как на войне, мне более не приходилось испытать» 8.

Евгения Павловна также участвовала в войне, но в другом подразделении: работала сначала врачом в госпитале, а затем на передовых позициях, на перевязочных пунктах. В конце войны супруги встретились и в сентябре 1878 года вернулись в Петербург. Павел Николаевич был принят помощником прозектора к знаменитому профессору В. И. Груберу, Евгения Павловна продолжала заниматься на курсах, т. к. срок обучения на них был увеличен.

Жизнь готовила молодому талантливому врачу вполне обеспеченную ученую карьеру: как ученик и ассистент В. И. Грубера П. Н. Серебренников был на прямой профессорской дороге. Но все получилось иначе...

В начале большого пути



Рудановский Петр Васильевич

В 1880 году Евгения Павловна окончила женские медицинские курсы, и Серебренниковы после некоторого колебания Павла Николаевича вернулись на Урал работать врачами в заводской больнице в поселке Салда Верхотурского уезда. Большую роль в этом решении сыграл выдающийся уральский врач П. В. Рудановский, который своим примером доказал, что можно и вдали от столиц заниматься наукой и приносить огромную практическую пользу народу. Он хорошо организовал в контролируемом им Тагильском горном округе медицинскую помощь населению, создал музей, библиотеку, способствовал открытию в Нижнем Тагиле фельдшерской школы и написал целый ряд научных работ по анатомии и гистологии нервной системы, составил

атлас нервной системы, который был издан в Париже. Именно он пригласил супругов Серебренниковых работать с ним, видя в них молодую, подающую большие надежды смену. Павел Николаевич никогда потом не жалел, что принял приглашение работать под руководством такого замечательного практика, организатора и ученого.

Нижне-Салдинский металлургический завод, изготавливавший рельсы для всех железных дорог России, был одним из крупнейших на Урале. На заводе в то время было занято более 4 тыс. рабочих, в поселке проживало около 12 тыс. жителей. — Бедновато, однако, живет здешний народец, — произнес Павел Николаевич, — каково то нам здесь придется?

Супруга его промолчала. Сердце ее сжимала боль при виде бедных жилищ. Она молча давала себе клятву, что в каждом из них она будет не только врачом-терапевтом недугов, но и другом, заступником.

Больница при Нижне-Салдинском заводе, которую приняли Серебренниковы, находилась в самом жалком состоянии. Работавший здесь фельдшер редко посещал ее, больше занимаясь домашним хозяйством. Больничный смотритель был под стать фельдшеру. Больные были предоставлены самим себе. Они целыми днями слонялись по поселку. Некоторые из них вместо лекарств «лечились» водкой.

Молодые врачи смело взялись за наведение порядка в больнице. Скоро ее стало не узнать. Был проведен срочный ремонт ветхого больничного здания. Павел Николаевич выхлопотал у заводоуправления необходимую сумму денег на приобретение оборудования, мебели, белья, медикаментов. В больнице был учрежден строгий постельный режим, больные стали получать квалифицированную медицинскую помощь. Рабочие завода быстро привыкли к Серебренниковым и полюбили их. Клиентура у местных знахарей резко убавилась.

Салдинский период жизни характерен для Павла Николаевича тем, что здесь окончательно определились его взгляды на санитарную медицину как на одну из важнейших сторон общественно-социальной жизни общества. Выполняя просьбу членов Верхотурского земства, Павел Николаевич составил доклад, в котором изложил свои взгляды на земскую медицину применительно к условиям края. Он говорил, что главная задача земской медицины заключается не в устройстве больниц и раздаче лекарств, а в развитии санитарной медицины, борющейся не с болезнями, а с их причинами. Историческими примерами, статистическими выкладками Павел Николаевич убеждал земство в необходимости организации широкой сети профилактики санитарных учреждений. Он доказывал, что если врачующая медицина имеет своим предметом отдельных членов общества, то санитарная — целое общество, и что как бы ни было велико количество врачей, люди будут болеть так же сильно, если не уничтожатся причины болезней. Уничтожить причины болезней, считал Павел Николаевич, может только санитарная медицина. Придавая такое огромное значение санитарной медицине, он включал в сферу ее деятельности и улучшение социально-экономических и бытовых условий жизни населения. Павел Николаевич был глубоко убежден, что санитарная медицина в конечном итоге потребует от общества меньших затрат, нежели медицина врачующая.

Выдвинутые в докладе положения Павел Николаевич развивал и отстаивал в течение всей своей жизни. Правда, впоследствии, особенно после первой русской революции, он понял, что улучшение социально-экономических условий жизни народа не по силам одной санитарной медицине. Для этого нужны глобальные революционные преобразования во всей стране.

В Салде Серебренниковы пробыли недолго. Через несколько месяцев они переехали в уездный город Ирбит, куда Павел Николаевич был приглашен на должность городского врача и где жили их родственники.

В Ирбите Серебренниковых встретил совсем другой контингент жителей, другой уклад жизни. Их пациентами стали купцы, чиновники, мещане, народ довольно привередливый и капризный. Молодым врачам приходилось вести себя более официально, строго и осторожно, чтобы не попасть на язык досужих обывателей и ненароком не уронить авторитет врача. Стихийно вокруг Серебренниковых вскоре образовался тесный кружок местной интеллигенции. Такова уж притягательная сила общительных, всегда жизнерадостных, деятельных и предельно простых супругов-врачей.



Иван Иванович Моллесон

Спустя несколько лет в одном из писем Евгения Павловна напишет: «Мой муж в качестве городского врача должен был заботиться о санитарном улучшении города. По поводу этого ему приходилось и много говорить, и писать, и сталкиваться со всеми представителями города, наживать и друзей, и врагов, и противников, и адептов. Я тоже принимала в этом участие. Кроме

того, сблизилась с молодежью, с учителями городскими и сельскими. Я готовила несколько девушек в фельдшерицы, муж читал на учительском съезде анатомию и гигиену, и благодаря всему этому у нас образовался большой и тесный кружок молодых и уже солидных людей с хорошими стремлениями. Теперь я с удовольствием вспоминаю эти три года, которые жили в Ирбите»⁹.

Павлу Николаевичу везло на встречи с необыкновенными людьми. О Иване Ивановиче Моллесоне, как и о Рудановском, супруги Серебренниковы слышали еще на студенческой скамье, читали его работы, восхищались ими, мечтали встретиться. Первый русский санитарный врач, теоретик и организатор земской медицины, И. И. Моллесон около 20 лет проработал в медицинских и земских учреждениях Урала: Перми, Шадринском и Ирбитском уездах Пермской губернии. В Ирбите Серебренниковы и познакомились с ним, став единомышленниками и друзьями на всю жизнь. Они активно участвовали в организованном Моллесоном Ирбитском врачебном совете, возглавлявшем все медицинское дело в уезде.

По своему характеру и масштабам работа Павла Николаевича в Ирбите выходила далеко за рамки городского врача-практика. По его инициативе вновь возобновила свое существование городская санитарная комиссия, которая объединилась с земской. Председателем комиссии стал Павел Николаевич, а секретарем — Евгения Павловна. Они выработали программу и стали претворять ее в жизнь. К участию в санитарной комиссии, помимо врачей, была привлечена почти вся местная интеллигенция. Павел Николаевич провел ряд санитарно-гигиенических исследований Ирбита. На их основе разрабатывались те или иные проекты по улучшению санитарного дела и выносились на утверждение городской думы или земского собрания.

Большое внимание Павел Николаевич отводил сбору статистических данных о санитарно-гигиеническом состоянии Ирбита. Обработка этих сведений позволила ему в короткие сроки подготовить и представить комиссии на обсуждение ряд докладов. Большая часть этих докладов и сообщений, дополненная новыми статистическими данными и теоретическими положениями, легла в основу его докторской диссертации «Опыт медико-топографического описания г. Ирбита Пермской губернии». В ней детально характеризовались географическое положение и геологическое описание города, его история, гидрография, приводились метеорологические наблюдения, делалось описание самого города, Ирбитской ярмарки, занятий жителей, учебных заведений, статистические данные о динамике рождаемости, браках, смертности населения, причинах смертности, болезнях, ярмарочной проституции и т. д. Диссертация была оснащена серьезными выводами, тезисами и приложениями. В тезисах, в частности, имелись такие предложения: «Отсутствие солидных знаний по медицинской статистике и географии в образовании врачей слишком невыгодно сказывается в направлении земской медицины, и потому было бы желательно, чтобы этот пробел был по возможности выполнен в программе общего медицинско-образовательного образования».

Преподавание элементарных понятий о гигиене и заразных болезнях в средних и низших учебных заведениях и в особенности в народных школах составляет насущную потребность и может значительно способствовать успеху санитарного дела в России»¹⁰.

Чтобы окончательно завершить диссертацию и защитить ее в стенах родной академии, Серебренниковы в 1883 году снова едут в Петербург. Павлу Николаевичу необходимо было прочесть работы некоторых русских ученых и исследователей по интересующей его теме, которые невозможно было достать в Ирбите, а также познакомиться с рядом сочинений иностранных авторов, которые еще не были переведены на русский язык. Ему пришлось потратить много

времени, чтобы найти приличных переводчиков для прочтения иностранных книг. В этом ему оказали большую помощь знакомые Евгении Павловны сестры С. и Н. Белозерские. Серебренниковы стали бывать у Белозерских почти ежедневно. Обычно Павел Николаевич приходил с утра, нагруженный книгами и папками, а позже приходила Евгения Павловна. Она специализировалась в столичных клиниках по глазным болезням, изучение которых она считала особенно необходимым ввиду широкого распространения этих болезней среди горнозаводского населения Урала.

С приходом Евгении Павловны книги откладывались в сторону, и завязывался оживленный разговор. Обсуждались не только научные медицинские, но и различные животрепещущие вопросы общественно-политической жизни: недавнее закрытие правительством женских врачебных курсов, злоупотребление администрации, борьба царского правительства со студенческим общественным революционным движением, преследование печати и многое другое.

Диссертация Павла Николаевича быстро двигалась вперед и была закончена и отпечатана в апреле 1885 года. К ней прилагался план города Ирбита с диаграммами.

Бывший учитель Серебренниковых профессор медико-хирургической академии А. П. Доброславин, на рассмотрение которого была представлена диссертация, дал о ней отличный отзыв.

Защитился Павел Николаевич блестяще. Евгения Павловна была счастлива больше мужа. Серебренниковы радовались не только успеху защиты диссертации, но и открывшейся возможности снова вернуться к живому делу.

Полные надежд и далеко идущих устремлений, верящие в важность своего дела, супруги Серебренниковы вернулись на Урал, но на этот раз в губернский город Пермь, где, им казалось, они смогут принести больше пользы медицине и обществу.

Врач, педагог, исследователь

Чтобы утвердиться в Перми, устроиться с работой, Серебренниковым пришлось преодолеть немало трудностей и разочарований. Павел Николаевич, имея докторскую степень и приверженность к санитарно-гигиенической деятельности, вынужден был заняться частной врачебной практикой. В то же время заведующим Пермской опытной санитарной станцией состоял человек, не имевший даже медицинского образования. Евгения Павловна, приобретшая редкую по тем временам специальность офтальмолога, вначале работала на добровольных началах в земской Александровской больнице, деля один кабинет с зубным врачом. Но по мере того как росла очередь на прием больных, рос и авторитет первого в Перми врача-женщины. Губернское земство вынуждено было в 1886 году открыть глазное отделение и назначить Евгению Павловну заведовать им, присвоив ей звание губернского окулиста.

Радуюсь за жену, за то, что она нашла настоящее дело, которое захватило ее целиком, Павел Николаевич шутя говорил ей: — Венечка, в России мест губернского окулиста не более семи-восьми, и одно из них теперь твое. Любой мужчина бы погнался за ним, и вот это место имеет женщина! Ну разве я не жертва коварного «женского вопроса»?

Евгения Павловна с легкой иронией в голосе отвечала ему: — Погоди, мой милый, это еще цветочки, вот скоро напишу диссертацию да защищу ее в академии — что тогда ты скажешь?

Вынужденный заниматься некоторое время частной врачебной практикой, Павел Николаевич был прежде всего врачом пермских бедняков. На табличке его приемной и на бланках рецептов значилось: «Доктор медицины П. Н. Серебренников. Прием больных по внутренним и детским болезням и оспопрививание ежедневно утром с 8 до 11 часов. Вечером с 6 до 7 часов».

Приемная врача никогда не пустовала. Посетители ее, в основном люди с запущенными, застарелыми болезнями, не привыкшие к медицинской помощи, к виду врача в белоснежном халате, с трудом преодолевая робость при возгласе «следующий», понуро уходили за дверь кабинета. Оттуда они выходили совершенно успокоенными и довольными.

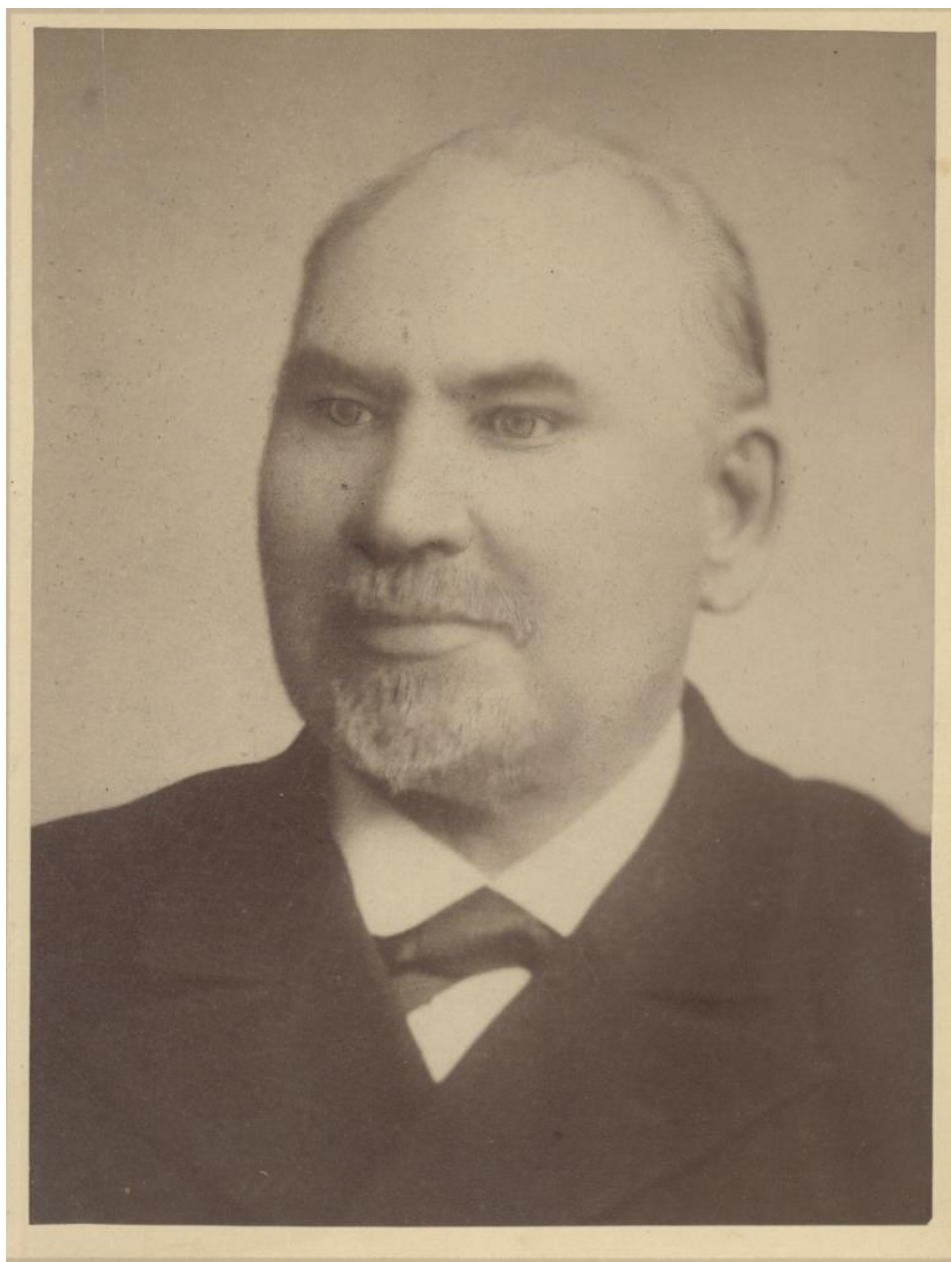
Дружба и сотрудничество с И. И. Моллесоном у Серебренниковых продолжалась и в Перми, куда тот переехал из Ирбита в 1883 году. Моллесон был организатором первых четырех из двенадцати съездов врачей Пермской губернии. Серебренниковы оказывали ему в этом посильную помощь и сами выступали с докладами на этих съездах. В середине 1880-х годов Моллесон был редактором «Сборника Пермского земства» и организовал при нем медицинский отдел. На страницах этого отдела он пропагандировал свои взгляды на санитарное дело в России и идеи своих последователей, одним из которых был П. Н. Серебренников.

Частыми пациентами Павла Николаевича были рабочие, получавшие травмы и увечья на заводах, охрана труда на которых была крайне низкой. В 1911 году на одном Мотовилихинском Заводе на 1000 рабочих было зарегистрировано 809 несчастных случаев. Большой процент травматизма был и на механическом заводе братьев Каменских, рабочих которого приходилось пользоваться П. Н. Серебренникову, составлять заключения о степени утраты трудоспособности. Он вел книгу записей освидетельствования рабочих этого завода. Однако вскоре контора завода отказалась присылать увечных и травмированных рабочих к слишком «придирчивому» врачу.

Во время эпидемий холеры, часто навещавших дореволюционную Пермь, Павел Николаевич как врач принимал самое активное участие в борьбе с ней. Ему приходилось быть организатором в этом деле. Особенно сильной была вспышка холеры в 1892 году. Она быстро распространилась по городу и унесла тысячи жизней. Образовалось холерное кладбище. По улицам днем можно было встретить возимые на простых телегах засмоленные гробы с умершими от холеры. Несмотря на самоотверженную работу медицинского персонала и общественных организаций, губернская администрация, городские власти и земство проявили полную бездеятельность.

Организаторский талант и врачебное искусство Павла Николаевича особенно ярко проявились в годы первой мировой войны, когда в Пермь большими партиями стали поступать раненые. Он быстро организовал и возглавил госпиталь на 100 коек при Пермской казенной палате. Здесь он ввел свой особый метод лечения огнестрельных ран, создал в госпитале атмосферу душевной теплоты, доброжелательности и чуткого отношения к раненым. Ему вспоминалось то далекое время, когда он, не жалея сил, так же лечил раненых и больных, побеждал смерть на Балканском фронте. В госпитале Серебренникова боролись не только с недугами, но и с невежеством: выздоравливающие неграмотные солдаты обучались грамоте, читали книги и газеты, сами впервые писали письма родственникам. Раненые называли Павла Николаевича «отцом родным», а когда он сам заболел, они послали ему письмо, в котором были такие строки: «От всей нашей шестой палаты раненых братьев шлем Вам свой привет и желаем Вам от чистого нашего сердца скорого выздоровления на многие лета. Ждем Вас со дня на день. Очень мы по Вас скучаем и просим Вас по выздоровлении посетить нашу палату. Когда мы

удостаиваемся Вашего посещения, все наши братья смотрят веселей, а от этого идет скорее наше выздоровление. В палате у нас все благополучно. Порядок тот же держится, что и при Вас, потому что ждем Вашего посещения» 12.



Павел Николаевич Серебрянников

Источник фотографии – фонд библиотеки ПГГПУ

Несмотря на аккуратное исполнение должности практикующего врача, в Перми Павел Николаевич основное внимание уделял не лечебным, а санитарно-гигиеническим вопросам. Он по-прежнему был приверженцем предупредительной медицины, задачей которой была профилактика здоровых людей. Именно ей первостепенное значение придавал и великий хирург Н. И. Пирогов, перед именем которого Павел Николаевич благоговел всю жизнь. В 1872 году Пермское земство ввело должность губернского санитарного врача, которую занял И. И. Моллесон. В России это был первый земский санитарный врач, поэтому опыта работы еще не было. Пермское земское собрание обратилось к Пирогову за советом. Ответ не заставил себя ждать. Приветствуя ценные начинания Пермского земства в области санитарии, Н. И. Пирогов

рекомендовал ему не распылять свои силы на решение множества вопросов, а сосредоточить внимание преимущественно на оспопрививании, искоренении венерических болезней, укреплении санитарной организации.

В П. Н. Серебренникове выработался со временем своеобразный, ярко очерченный тип медицинского работника, поборника физического и духовного совершенствования человека, объединявшего в себе врача-гигиениста, педагога, научного и общественного деятеля.

Павел Николаевич понимал, что хорошее здоровье человека невозможно без внедрения в повседневную жизнь основ гигиены в широком ее понимании. А чтобы достигнуть этого, гигиену нужно сделать школьной дисциплиной, а также использовать все другие доступные способы массового ее пропагандирования.

С 1887 года Павел Николаевич работал врачом и преподавателем медицины и гигиены в Пермской духовной семинарии. Его хорошо помнили старые педагоги, а новое поколение учащихся рассказывало про него легенды. По ним выходило, что в свое время этот врач был лихим семинаристом, заводилой, любителем спеть и сыграть на гитаре. Впрочем, обладая хорошим слухом и приятным бархатным баритоном, Павел Николаевич, действительно, и в зрелые годы участвовал в певческих хорах Перми и любил петь в дружеских компаниях, собиравшихся у него дома. Одно время он возглавлял Пермский музыкальный кружок.

Помимо семинарии, Павел Николаевич состоял врачом и преподавал гигиену в ряде других учебных заведений Перми: мужском духовном и женском епархиальном училищах, четырехклассном городском училище, в ряде народных школ, где учились преимущественно дети бедноты, в школе слепых, воскресных школах для взрослых. За плату он работал только в учебных заведениях духовного ведомства, а в остальных бесплатно. Павел Николаевич состоял бесплатным врачом в некоторых обществах, таких, как общество печатников, приказчиков, а также в земских больницах. Он бесплатно делал массовые прививки оспы в городских школах Перми и обследования их санитарно-гигиенических условий. Его деятельность распространялась и на уезды, за что ему были выражены благодарности от многих уездных земств.

Что из себя представлял Павел Николаевич как врач-педагог, лучше всего свидетельствуют воспоминания его бывших семинарских учеников: А. Н. Шишева, А. П. Бирюкова, В. П. Бирюкова, В. А. Игнатьева, Н. А. Задорина и др. В семинарии Павел Николаевич преподавал в пятом классе физиологию человека и гигиену, в шестом — основы медицинских знаний. При его содействии был организован гигиенический кабинет, приобретен скелет человека, различные наглядные медицинские пособия: рисунки, таблицы, муляжи по анатомии, физиологии, гигиене.

Уроки Павла Николаевича проводились не чаще одного раза в неделю, но, по отзывам семинаристов, были самыми интересными из всей семинарской программы. В. П. Бирюков вспоминал: «Он по вечерам читал нам лекции по медицине. Читал хорошо, просто, убедительно. Для семинаристов, которые, не считая математики и физики, совершенно не получали тогда естественно-исторического образования, многое на его лекциях было настоящим откровением. Тогда же я впервые узнал об опытах И. П. Павлова над собаками, изучавшего высшую нервную деятельность» 13. По рассказам другого бывшего семинариста А. Н. Шишева, занятия Павла Николаевича всегда ожидалось с нетерпением. Семинаристы выглядывали по очереди в коридор. Класс дружно приветствовал Павла Николаевича, и наступала уважительная тишина. Развесив принесенные пособия по стенам класса, потирая свой широкий лоб, он начинал неторопливо вести урок с повторения содержания прошлого. Затем объяснял тему нового урока.

В конце занятия от медлительности учителя не оставалось и следа. Речь становилась четче, быстрее, движения порывисты, с губ то и дело срывались латинские изречения, цитаты из трудов выдающихся естествоиспытателей и врачей. Такие уроки запоминались ученикам надолго.

При семинарии в отдельном корпусе размещалась больница с амбулаторией. Здесь семинаристы не только лечились у Павла Николаевича, но и проходили практику по медицине, оказывая первую помощь больным. Семинаристы, задавшие целью поступить на медицинские факультеты, добровольно исполняли обязанности санитаров и фельдшеров: участвовали в приеме больных, определении диагноза, делали вместе с Павлом Николаевичем обход больных, измеряли температуру, заполняли больничные листы, ухаживали за больными, поднося им лекарства, делая присыпки, примочки, перевязки, ставя горчичники, грелки, наблюдая за питанием, чистотой в помещении, дежуря и т. д.

Теоретические знания по санитарии и гигиене Павел Николаевич закреплял на экскурсиях в специальные медицинские лаборатории, на очистительно-водопроводную станцию и в другие соответствующие учреждения.

Ежегодно в мае ученики шестого класса семинарии сдавали экзамены по медицине. Врач Ю. Л. Винклер, присутствовавший на таком экзамене в 1913 году, оставил следующий отзыв о нем: «На экзамене по медицине выпускного класса Пермской семинарии я испытал настоящее удовольствие, слыша очень основательные познания учеников по этой отрасли знания. Очень практичная программа, где главное внимание обращено на гигиену и общее понимание значения медицины, а также хорошее усвоение краткого, но знакомящего с существенными вопросами популярной медицины курса при хорошем общем умственном развитии воспитанников заставляет надеяться, что познания их, примененные впоследствии в жизни, принесут большую пользу народу» 14.

Расставаясь со своими учениками на экзамене, Павел Николаевич, высоко подняв руку, словно произнося клятву, и призывая слушателей последовать за ним, говорил: «Будете ли вы служить в рядах духовенства или учительской среды, или врачами и другими культурными работниками, вы должны разъяснять народу не только как бороться с распространением заболеваний, но и указать, где можно получить необходимую помощь и лечение, а если нужно, сумеете сами оказать неотложную помощь. Работая в гуще народа и нередко среди темных людей, любите его и всегда беззаветно служите ему» 15.

Кроме медицины, из непрофильных, небогословских в семинарии изучались педагогические науки. Для закрепления приобретенных знаний по педагогике при семинарии имела трехклассная начальная школа, где семинаристы проходили практику. Становясь учителями, они прививали своим ученикам в глухих селах и деревнях основы медицинских и санитарно-гигиенических знаний и навыков.

Без преувеличения можно сказать, что именно П. Н. Серебренникову принадлежит заслуга в том, что многие выпускники семинарии стали врачами или педагогами. За огромное влияние, которое оказывал Павел Николаевич на семинаристов, его крепко недолюбливало семинарское начальство, особенно ректор Добронравов. Серебренников не оставался в долгу и часто резко критиковал отцов-педагогов за рутинерство и догматизм и даже при семинаристах иногда иронизировал по поводу семинарских порядков.

По статистическим сведениям, собранным П. Н. Серебренниковым, в начале XX века в Пермской губернии из всех работавших врачей половина была питомцами Пермской духовной семинарии. Среди них не было ни одного, кто бы не сохранил светлой памяти о своем первом учителе и наставнике.

Занимаясь врачебной практикой и преподаванием, Павел Николаевич продолжал разрабатывать научно-теоретические вопросы общей и школьной гигиены, эпидемиологии, санитарной статистики, те положения, которые он выработал еще в Нижней Салде и Ирбите. Им было написано и опубликовано более десятка исследовательских работ. Среди них следует назвать «Общественно-санитарные задачи г. Перми» (1889) и «Краткий очерк холерных эпидемий в России, Пермской губернии и Перми за 50 лет» (1893).



Источник фотографии - Краевед. История Перми и пермяков

Общественно-санитарные задачи, стоящие перед Пермью, Павел Николаевич связывал с общественным образованием, «забота о котором должна составлять первую и высшую обязанность всякого общества, претендующего на название культурного». Но в существующих школах он видел не только источник просвещения, но и рассадник различных телесных недугов. Он утверждал, что, заключая ребенка насильно в классную комнату на несколько часов, тем самым совершали грубое насилие над его развивающимся организмом. Вот почему всякое общество, ратующее о своем образовании, должно весьма чутко прислушиваться ко всем требованиям школьной гигиены, памятуя постоянно, что несоблюдением гигиенических условий школы мы накладываем руку на подрастающие и на будущие поколения.

На примере Пермского уездного училища Павел Николаевич показывает вопиющие антигигиенические условия, в которых учатся дети неимущих слоев населения города. Самый главный недостаток он видит в отсутствии должного количества воздуха и света, основных компонентов, влияющих на нормальное развитие организма ребенка. Чтобы облегчить положение с санитарным состоянием училища, пишет автор, нужно сократить число учащихся вдвое, но это была бы жестокая мера, если учесть большую нужду города в школьных зданиях.

Эта работа была написана и опубликована впервые в «Пермских губернских ведомостях» в 1888 году, а в 1896 году стараниями Павла Николаевича было построено здание Богородицкой школы для детей бедняков и сирот. Оно отвечало всем тем требованиям, которые выдвигал автор в своей книге.

Не менее злободневный характер носила и вторая работа Павла Николаевича, которая была опубликована в 1892, холерном, году. В ней он рассеивал совершенно превратное понятие о холерных эпидемиях, которое бытовало в то время даже среди медиков. По этому понятию следовало, что холера бывает в России только в продолжение одного года, а затем исчезает на долгое время без следа, чтобы вновь появиться внезапно в том или ином месте. «Не странно ли, в самом деле, — писал он, — что в Пермской губернии холерные эпидемии повторяются с 1830 года, и настоящая эпидемия есть уже одиннадцатая по счету, а между тем у нас не сохранилось почти никакого печатного материала о них, как будто их и вовсе не существовало. Отсутствие же этих материалов лишает нас значительного опыта в деле борьбы с холерою...» Своей работой Павел Николаевич и пытался восполнить этот пробел. Он привлек все имеющиеся данные, известные в литературе, и дополнил их своими сведениями, собранными из первоисточников. На основе этих данных им были составлены таблицы, освещающие ход всех эпидемий холеры в Перми и Пермской губернии. Если в первый из них — 1830 год — от холеры умерло, по данным автора, всего 45 человек, то в 1892 году — уже 1332 человека. На основании таблиц автор сделал интересные выводы о том, что распространение холеры зависит от интенсивности передвижения населения, что из всех холерных эпидемий, бывших в Пермской губернии, только одна (в 1866 году) существовала в течение года; все остальные продолжались 2—3 года. Поэтому автор предупреждал о возможности повторения холерной эпидемии в 1893 году.

Некоторые исследовательские работы Серебренникова не были опубликованы, т. к. они не предназначались для печати. Так, занимаясь лечением рабочих, интересуясь их условиями труда и жизни, Павел Николаевич решил провести анализ смертности по профессиям. На основе этого анализа он составил записку. За исходную цифру в ней был взят уровень жизни священников. Если принять смертность священников за 100, то смертность садовников, земледельцев равнялась 108—126, а д в о к а т о в — 152, сапожников — 166, столяров, обойщиков, каменщиков, каменотесов и кузнецов — 175, портных, шляпочников, наборщиков, бумагопрядильщиков и ткачей — 190—195, докторов — 202, маляров и стекольщиков — 216, шлифовальщиков железных изделий — 230, рабочих гончарных заводов — 313. На основе анализа Павел Николаевич пришел к выводу, что «экономические условия тоже оказывают огромное влияние на смертность» 16.

Вопросы, поднимаемые как в опубликованных, так и в неопубликованных работах Серебренникова, имели для своего времени важное значение и требовали скорейшего решения. В качестве примера можно привести обширное обследование Павлом Николаевичем характера питания пермских школьников, проведенное им в 1911 году, и сделанные на основании этого обследования выводы. Им была составлена и разослана по 15 народным школам анкета с

вопросами о периодичности медицинского обслуживания этих школ и состоянии питания школьников во время их учебных занятий.

Ответы на анкету были более чем удручающими. Они показали, что медицинское обслуживание в большинстве школ вообще отсутствует, а горячие завтраки получают из 2 тыс. учащихся только 20 учеников пятого мужского училища из состоятельных семей. Все остальные обедают всухомятку.

Собранный в результате обследования материал широко использовался Серебренниковым в его выступлениях в печати и устно в докладах на заседаниях и совещаниях в различных государственных, земских и общественных организациях. В них неизменно звучали призывы: «Каждой школе — горячие завтраки», «После хлеба — воспитание», «Должен быть закон о питании школьников с целью укрепления детского организма в период учебы» и др.

На второе место после рационального питания Павел Николаевич ставил физическое развитие учащихся. В этом вопросе он большое значение придавал детским играм. В своих устных и печатных выступлениях, ссылаясь на примеры западных развитых стран, дающих обществу здоровое население, он постоянно доказывал, что в Перми давно пора начать устройство площадок и сооружений для подвижных детских игр, а также подготовку учителей по физкультуре и спортивных врачей. Он предлагал для этого позаимствовать многое из английской системы физического воспитания. Павел Николаевич постоянно подчеркивал, что еще в Древней Греции хорошо понимали: физическое и умственное развитие детей должны идти параллельно и содействовать гармоничному развитию тела и ума, и что эта аксиома, хорошо знакомая грекам, теперь научно доказана анатомо-физиологическими исследованиями русского ученого профессора П. Ф. Лесгафта.

Столь же категоричным был Павел Николаевич в вопросах лечения болезней. В 1913 году, находясь вместе со второй женой Александрой Степановной в лучшем частном заграничном санатории под Дрезденом, он писал сыну Диме, студенту-медику: «Мне очень хотелось бы втянуть тебя в область тех принципов, на которых основана здешняя санитария и благодаря которым так высоко держится ее репутация в целом мире, исключая России.

Я считаю своим нравственным долгом предостеречь тебя как будущего врача от увлечения лекарственной терапией. Поверь мне, что чем больше мы будем вдумываться и заниматься методами лечения естественными силами природы, в основу которых будет положен рациональный образ жизни сообразно той или иной конституции каждого больного, тем лучше и успешнее ты исполнишь долг врача и свое назначение...

Вот поэтому-то мне ужасно хотелось бы, чтобы ты с первых же шагов стал на верную дорогу в своей практической деятельности»¹⁷.

В санатории, где находились Серебренниковы, лечили водными, солнечными и воздушными ваннами, режимом питания, сна и отдыха, учили правильно дышать, ходить, плавать, совершать прогулки и т. д. Все это очень импонировало Павлу Николаевичу, отвечало его устоявшимся взглядам в вопросах здравоохранения.

Научно-пропагандистская деятельность Серебренникова была тесно связана с имевшимися в Перми научными обществами и организациями. В 1894 году в Перми было открыто экономическое общество. Павел Николаевич, как и все прогрессивные деятели края, возлагал на него в осуществлении многих своих замыслов большие надежды. В общество вступило до 150

человек. Выработанная программа общества ставила целью «разработку и проведение в жизнь таких экономических начал, которые обеспечивали бы развитие и упрочение материального благосостояния населения губернии».

С самого начала деятельность общества приняла такой активный и смелый характер, что власти не на шутку перепугались. Одно обсуждение программы, в котором принимали участие революционно настроенные представители и политссылные, увидевшие в обществе трибуну для выражения своих взглядов, отпугнуло некоторую часть членов из числа духовенства, купечества и буржуазии. Общество быстро входило в силу. В течение 1894 года оно провело 12 общих собраний.

В круг интересов общества входили и вопросы здравоохранения, народного образования, благотворительности, прямо или косвенно отражающие материальное положение населения губернии. Так, 3 ноября 1894 года на общем собрании с большим интересом обсуждался вопрос о созданном в селе Юговском Пермского уезда сельском частном приюте Е. И. Новикова для сирот и детей крайних бедняков из мастеровых Юговского завода. Приют Новиков содержал на частные пожертвования. Воспитанники приюта обучались грамоте, ремеслам, знакомились с земледелием в своем небольшом хозяйстве. Серебренников бывал в этом приюте и с интересом следил за его жизнью. На собрании он дал самый благоприятный отзыв о приюте и добился ассигнований на покупку теплой одежды для детей.

Павел Николаевич был одним из самых деятельных членов Пермского экономического общества, принимая активное участие во всех его мероприятиях. В то время его очень волновала проблема детской смертности, и он собрал значительный статистический материал. На основе этого материала он подготовил доклад, а затем и публикацию под названием «К вопросу о смертности детей в Пермской губернии на первом году их жизни». На собрании общества 14 декабря 1894 года доклад Серебренникова был заслушан с большим вниманием. Докладчик доказал, что детская смертность в губернии необычайно велика, что это экономическое и нравственное зло и что борьбу с ним нужно начинать немедленно. В качестве одной из мер Павел Николаевич предложил повсеместное устройство летних яслей, т. к. наибольшая смертность падает на летние два-три месяца, когда сельские жители усиленно заняты полевыми работами. Большое место в докладе отводилось гигиеническим требованиям по уходу за грудными детьми. Выступление Серебренникова встретило большое сочувствие собравшихся, было решено передать доклад в губернское земство. На собрании был начат сбор средств на покупку и распространение популярных брошюр по уходу за грудными детьми.

Из состава членов Пермского экономического общества со временем выделился круг лиц, наиболее стремившихся к коренным переменам в социальной и экономической жизни России. К ним относились некоторые прогрессивно настроенные чиновники казенной палаты, кустарно-промышленного банка, деятели Пермского земства, врачи, учителя, техники и другие представители пермской интеллигенции. На них заметное влияние оказывали местные революционеры и политссылные. Этот круг пермской интеллигенции уже не устраивали официальные собрания с присутствием губернских властей. Стали собираться кружками на квартирах. Квартира Серебренниковых была наиболее частым местом таких встреч. Собирались также у агронома В. А. Владимирского, землемера-народника А. С. Сигова, выступавшего в уральской литературе под псевдонимом Погорелов. Иногда собирались там, где имелись рояль или пианино, и собрания эти походили на музыкальные вечера, не бросаясь в глаза шпицам и полиции. Когда часть собравшихся музицировала и танцевала, остальные горячо обсуждали дела

экономического общества, политические вопросы, события в стране и крае. Во время одной из таких полулегальных встреч членов общества в декабре 1894 года родилась мысль провести политическое выступление. Было решено поднести недавно вступившему на престол Николаю II адрес Пермского экономического общества. Вскоре текст адреса был составлен. В нем среди верноподданных фраз проскальзывала мысль о своевременности введения конституции в России. Это был довольно смелый шаг со стороны провинциальной интеллигенции. Председатель экономического общества А. Е. Рейнбот доставил адрес в столицу. Но лично вручить царю роскошно оформленный местными художниками и украшенный хризолитами адрес ему не удалось. Приближенные царя разглядели в адресе крамолу и отправили его секретной почтой лично пермскому губернатору с предложением придушить деятельность экономического общества, что и было выполнено в мае 1895 года.

Менее двух лет существовало Пермское экономическое общество, но и за этот короткий срок оно оказало громадное влияние на последующую общественную жизнь Перми. Объединенная им интеллигенция уже не теряла своей духовной связи. У многих исчез прежний панический страх и недоверие к политическим ссыльным, с которыми им приходилось близко сталкиваться по работе.

Павел Николаевич состоял членом Пермского общества врачей, деятельность которого то затухала, то возрождалась вновь. Оно имело свой устав и занималось разработкой научных вопросов по всем отраслям медицины, а также решением неотложных практических дел, стоящих перед пермскими врачами. Несколько лет Павел Николаевич состоял председателем бюро общества, в которое входили также врачи В. П. Иванов, Л. С. Ильинский, Н. М. Назаровский. Сохранились черновики отчетов общества за 1906—1907 гг., составленные П. Н. Серебренниковым. В них говорилось, что возрождение общества произошло накануне 17 октября 1905 года, в него входило 40 членов. Первое очередное собрание состоялось 20 декабря 1905 года, на котором было решено проводить по одному заседанию ежемесячно.

Несмотря на вынужденную бездеятельность в течение первой половины 1906 года из-за чрезвычайного положения, объявленного в губернии по случаю революционных событий, во второй половине этого года общество смогло провести семь собраний. Одно из них было посвящено памяти Н. И. Пирогова, на других разбирались вопросы врачебной этики. Ставились доклады и на узко медицинские темы.

В 1907 году Павел Николаевич писал в отчете о работе общества: «Второй отчетный год жизни нашего общества совпал с одним из самых мрачных исторических моментов России... Несмотря на все неблагоприятные условия, при которых протекала жизнь общества, оно все же не замерло окончательно, а напротив того, оживилось» 18.

Но особенно тесной была связь П. Н. Серебренникова с другой научной организацией Перми—Пермским научно-промышленным музеем. Об этом рассказ отдельный.

Четверть века с музеем

Датой возникновения Пермского научно-промышленного музея считается 15 ноября 1890 года, хотя юридическое его признание пришло через десять лет с утверждением правительством устава. 15 ноября состоялось первое заседание Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ).

Программа деятельности комиссии предусматривала собирание краеведческих коллекций, чтение докладов, лекций, сообщений и обсуждение вопросов, поднимаемых ими, демонстрацию собранных коллекций, устройство экскурсий. Таким образом, с первых же дней деятельности комиссия приступила к созданию музея. Первое время ей оказывали помощь комитет УОЛЕ в Екатеринбурге и Пермская губернская ученая архивная комиссия, открытая годом раньше и передавшая в музей свои коллекции и книги.



Источник фотографии - Летописи.ру

Павел Николаевич Серебренников является одним из организаторов Пермского научно-промышленного музея. В члены УОЛЕ он вступил 2 мая 1892 года, а с 1899 по 1909 год возглавлял музей, будучи председателем его совета. В 1916 году он писал об истории возникновения и первых годах деятельности музея следующее: «Ровно 26 лет тому назад в один из осенних пасмурных и ненастных пермских вечеров в частном доме, в небольшом кружке интеллигентных людей, состоявших членами УОЛЕ, лишенных возможности часто ездить в Екатеринбург на заседания указанного общества, возникла счастливая мысль организовать здесь, в Перми, филиальное отделение Екатеринбургского общества любителей естествознания». Первым препятствием к осуществлению этой прекрасной идеи явилось то обстоятельство, что устав уральского общества не предусматривал никаких филиальных отделений, и, следовательно, его организация в Перми являлась нелегальной. Но благодаря личному знакомству с тогдашним губернатором инициатора и первого председателя новой научной ячейки инженера-технолога Н. Н. Новокрещенных юное общество могло соорганизоваться под довольно длинным флагом — Пермская комиссия УОЛЕ в Екатеринбурге 19. Само собой разумеется, что комиссия эта без всякого устава могла существовать под личной ответственностью ее председателя 20.

В организацию комиссии большой вклад внес ее секретарь С. И. Сергеев. Он учился на естественном факультете Петербургского университета и за участие в революционном движении был сослан на Урал. Здесь он увлекся краеведением, стал известным археологом.

Пермская комиссия УОЛЕ обладала самыми ничтожными средствами и долгое время не имела своего помещения, собираясь то в зале губернской земской управы, то в помещениях общественной городской публичной библиотеки и других местах. В 1892 году городская дума уступила комиссии две небольшие комнаты в городском театре, но уже в следующем году эти помещения были отобраны. Пришлось перебираться в помещение, арендованное Пермской ученой комиссией в двухэтажном кирпичном доме купца М. П. Кузнецова, находившемся на углу улиц Покровской (Ленина) и Обвинской (25-го Октября). Но и здесь не удалось устроиться надолго: дом был продан губернскому акцизному управлению, и в нем была открыта винная лавка.

Несмотря на такой кочевой образ жизни, комиссия продолжала нелегкую деятельность. Так, в июле 1894 года она устроила в Перми первую археологическую выставку в залах общественного собрания. Члены комиссии выступали перед общественностью города с лекциями и докладами. Когда замечательный знаток Пермского края, ученый-лесовод и археолог Ф. А. Теплоухов читал доклад «Пермская чудь и ее культурная обстановка», актовЫй зал реального училища едва смог вместить всех желающих послушать докладчика. В 1895 году в музее комиссии имелось уже более 5 тыс. предметов и 23 отдельные коллекции.

До прихода на пост председателя совета П. Н. Серебренникова деятелям комиссии постоянно приходилось тревожиться о завтрашнем дне. Кроме материальных невзгод, им приходилось выдерживать и немало издевательств со стороны губернских чиновников, духовенства, обывателей. Членов комиссии и музея наделяли обидными кличками вроде «мухоловы», «муходавы», «гробокопатели», «кладоискатели» и т. п.

Но главная беда была в том, что растущий музей и библиотека срочно нуждались в постоянном, специально оборудованном и вместительном помещении. Здесь уместно вспомнить пословицу: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Случился пожар на Петропавловской улице в доме, принадлежавшем богатой пермской купчихе А. С. Любимовой (ныне Коммунистическая, 38). Не зная, что делать с пепелищем, Любимова подарила его городу под общественные нужды. Городская дума долго думала, как ей распорядиться таким необычным подарком, чтобы не тратить своих денег на восстановление дома. Вспомнив о бесконечных жалобах и просьбах «гробокопателей», она с радостью объявила, что передает подарок Любимовой с ее согласия Пермскому музею на все время его существования, но без копейки денег на восстановление здания. Музей принял основательно выгоревшее здание и стал искать деньги на капитальный ремонт. Нужно было не менее 4—5 тыс. рублей. Выпросили 500 рублей у губернского земства, 200 рублей пожертвовал пермский благотворитель купец В. И. Шайдуров, за что был зачислен в пожизненные члены музея. На эти деньги отремонтировали нижний этаж и сразу же переместили в новое помещение все коллекции и библиотеку музея. 19 октября 1897 года музей уже был открыт для посетителей в до конца не отремонтированном, но своем помещении. Осенью 1899 года на деньги, взятые в долг, ремонт здания был закончен. 9 октября 1899 года в музее было устроено нечто вроде новоселья, общее торжественное заседание членов музея в присутствии многочисленных гостей. Выступавшие на нем выражали неподдельную радость по поводу того, что пермская интеллигенция наконец приобрела свой уголок, свой «дом науки». 1899 год был переломным в деятельности музея. Многолетний его хранитель И. Г. Остроумов в отчете писал: «Отчетный год был, можно сказать без всякого преувеличения, эрой в жизни музея: в начале этого года музей занял все здание, для него предназначенное, и получил вид вполне благоустроенного научно-образовательного учреждения, обзаведшись в течение года не только имуществом, удобными витринами, разными редкими предметами и коллекциями, но

даже целыми научными отделами, а в конце года получил проект устава, обещавшего ему совершенно самостоятельное существование и широкий круг деятельности, благодаря чему музей сделался поистине культурным центром не только для Перми, но и для ее окрестностей»²¹.

Вместе с Серебренниковым в этом году в состав совета комиссии вошел В. А. Владимирский, известный революционер-марксист, член Пермского комитета РСДРП. Он проработал заместителем Павла Николаевича вплоть до своего ареста в марте 1903 года. Такие сотрудники, как С. И. Сергеев и В. А. Владимирский, оказали большое идейно-политическое влияние на состав комиссии с самого начала ее существования. Не обошли революционные настроения и Павла Николаевича. Недаром его имя все чаще стало встречаться в жандармских документах как разделявшего взгляды партии кадетов. 27 марта 1901 года правительство утвердило устав музея. Пермская комиссия УОЛЕ перестала существовать, передав все функции музею. По уставу Пермский научно-промышленный музей был в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ, но фактически вся его деятельность находилась под жесточайшим контролем местных губернских властей.

В задачи музея входило собирание материалов для всестороннего изучения природы, истории и жизни Пермского края и ознакомление населения с результатами своей работы. С этими целями музей с «надлежащего разрешения» мог проводить заседания для научных сообщений и решений своих административно-управленческих вопросов, научно-образовательные выставки и экскурсии. Кроме того, музей имел право с «надлежащего разрешения» цензуры издавать свои научные труды.

В состав членов музея входили члены-учредители, подписавшие устав на особом учредительном собрании 23 января 1900 года. Лица, оказавшие музею особенно крупные услуги, являлись почетными членами. В их число к 25-летию музея были избраны старейшие деятели музея: П. Н. Серебренников, И. Г. Остроумов, И. Ю. Петровский, С. Л. Ушков, крупные русские ученые А. П. Карпинский, Д. Н. Анучин, П. Н. Крылов, О. Е. Клер, Д. П. Никольский. Лица, внесшие одновременно в кассу музея не менее 100 рублей, составляли группу пожизненных членов. Ими были известные на Урале капиталисты, пароходчики, купцы Каменские, Н. В. Мешков, И. В. Розанов, А. Е. Тупидин и др. Лица, вносящие ежегодно не менее 3 рублей членских взносов, записывались в число действительных членов музея. И, наконец, лица, платящие ежегодно не менее одного рубля взносов или оказывающие музею какие-либо услуги, записывались в число членов-соревнователей. Дело с членством музея было поставлено таким образом, чтобы привлечь как можно больше представителей из самых разных слоев пермского общества, от крупного капиталиста до мелкого служащего.

Важнейшей задачей Пермская комиссия УОЛЕ, а затем и ее преемник Пермский научно-промышленный музей, ставили собирание коллекций, предметов, экспонатов, документальных материалов и книг, относящихся к Уралу. Всего за 25 лет деятельности музей собрал около 14 тыс. различных предметов, имевших целью, по словам Павла Николаевича, в большей или меньшей степени отразить, как в зеркале, природу, историю и жизнь Пермского края.

Большая часть собранного была приобретена за счет пожертвований, а часть собрана самими членами музея во время экспедиций и экскурсий. Лишь немногие экспонаты приобретались на средства музея. Иные коллекции поступали в музей лишь во временное пользование и затем после демонстрации возвращались их владельцам. Значительное количество различных вещей, книг и картин приобрел на свои личные средства, а затем передал их музею Павел Николаевич.

Вся работа Пермского научно-промышленного музея строилась по отделам. С 1901 года были открыты следующие отделы музея: археологический, исторический, этнографический, зоологический, геологический, палеонтологический, минералогический, ботанический, горнопромышленный, нумизматический, сельскохозяйственный и библиотека.

В 1901 году при Пермском научно-промышленном музее был основан на правах отдела подвижной музей учебных пособий. С марта 1904 до 1917 года им руководил и радел о нем сам Павел Николаевич. По его замыслу, подвижной музей должен был прийти на помощь как народным, плохо оснащенным учебными наглядными пособиями, школам, так и содействовать внешкольному образованию, снабжая пособиями всех нуждающихся.

Вся дальнейшая практическая деятельность подвижного музея убеждала Серебренникова в том, что музей не только оправдывает свое назначение, исполняя непосредственную просветительную миссию, но и является необходимым звеном, связывающим музей с народной школой.

Кроме учебных пособий, при подвижном музее Павел Николаевич организовал педагогическую и справочную библиотеки. За несколько лет подвижной музей настолько разросся, что потребовалось выделить для него отдельную комнату, но вскоре и она вся была заполнена. К 1912 году подвижной музей располагал 2404 экземплярами учебных пособий и 576 книгами по различным отраслям знаний. В музее имелось 513 стереоскопических, 99 световых и 85 художественных картин.

В декабре 1900 года в доме пермского мецената пароходчика Н. В. Мешкова была устроена выставка картин художника А. К. Денисова - Уральского, приехавшего из Екатеринбурга. Это была первая художественная выставка в Перми. Выставка носила название «Урал в живописи». На ней было представлено около 50 картин художника, воспевающих красоту и величие природы Урала. Павел Николаевич, большой любитель живописи, подружился с художником и стал приглашать его к себе в дом.

В знак признательности Денисов-Уральский подарил Павлу Николаевичу несколько своих картин. На одной из них он оставил дарственную надпись: «Павлу Николаевичу Серебренникову — доктору медицины, видному пермскому общественному деятелю».

Выставка картин Денисова-Уральского, вызвавшая огромный интерес у пермской общественности, натолкнула Павла Николаевича на мысль организовать в музее художественный отдел: Разрешение от властей было получено только в 1907 году. Едва возникнув, художественный отдел уже мог показать посетителям музея значительное количество картин и среди них несколько высокохудожественных произведений, принадлежавших кисти выдающихся уральских художников братьев П. А. и А. А. Сведомских, а также братьев В. П. и П. П. Верещагиных.

Чтобы заинтересовать пермское общество, в стенах музея решено было организовать художественную выставку. Она проходила с 26 декабря 1907 по 13 января 1908 года. В выставке приняли участие художники-любители, учителя и учащиеся, а также некоторые художники из города Вятки. В числе 250 экспонатов выставки находились картины, этюды, эскизы, живопись на материи, фарфоре, выжигание по дереву, лепные работы и изящные рукоделия.

Кроме картин, немалую ценность представляли несколько десятков больших портретов выдающихся деятелей России и других стран, в основном ученых, естествоиспытателей. Каждый портрет был снабжен карточкой с краткими биографическими сведениями. Благодаря заботам

Павла Николаевича был изготовлен ряд портретов и известных уральских деятелей. В 1910 году все портреты были выделены из художественного отдела в самостоятельный отдел — портретную галерею выдающихся пермских уроженцев и деятелей, возглавил которую вместе с картографическим отделом известный исследователь Пермского края, картограф, географ, историк и археолог, этнограф и экономист И. Я. Кривошеков.

Серебрянников многое сделал также для организации нового фотографического отдела музея, который был окончательно сформирован в 1902 году. В программе фотографического отдела, выработанной его заведующим И. И. Ткалем, было намечено собрать возможно большее количество фотографических снимков на бумаге и на стекле (диапозитивов) для образования коллекций с видами города Перми, уездных городов, заводов и селений Пермской губернии, местностей Урала, с типами народностей края, портретами выдающихся деятелей России и Урала, фотографиями разного рода художественных произведений и особо интересных предметов.

Помимо организационных и финансово-хозяйственных забот, на плечах Павла Николаевича лежали и многие другие. Он ездил в Петербург знакомиться с работой столичных Музеев и библиотек, вел обширную переписку с университетами, академиями, музеями, библиотеками, различными научными обществами и отдельными лицами, проживающими в разных городах страны. Тема переписки — присылка тех или иных экспонатов, книг, просьба о вступлении в члены музея и т. д. Как свидетельствуют ответы, в этих вопросах ему обычно шли навстречу, настолько был значителен авторитет Павла Николаевича, а вместе с ним и Пермского музея. В нескольких столичных и провинциальных газетах Серебрянников поместил обращения ко всем уроженцам города Перми и Пермской губернии с призывом внести свою лепту в развитие родного музея. На этот призыв многие откликнулись с большой охотой.

Лекционно - пропагандистская деятельность музея стала одним из главных явлений общественной жизни города Перми и губернии. Афиши на заборах и объявления в газетах о проводимых в музее собраниях, лекциях и докладах стали привычными для всех. На заседания, проводимые обычно в музее по пятницам, приходила солидная публика — члены музея и краеведы. На них решались различные музейные административные дела и заслушивались оригинальные, чисто научные сообщения по изучению края.

По субботам, как правило, назначались научно-популярные беседы и рефераты по различным отраслям знаний. Заседания эти были самыми многочисленными. Состав слушателей на них был уже другой. Приходила в основном молодежь, занятая самообразованием и пополнением школьных знаний.

По воскресным дням в музее проводились лекции и беседы на различные хозяйственно - экономические темы. Слушателями этих бесед были мелкие торговцы, служащие, духовенство и крестьяне. Некоторые из них приезжали на чтения из деревень и поселков за десятки верст. Лекции и беседы часто сопровождалась демонстрацией экспонатов музея: препаратов, карт, рисунков, диаграмм, приборов и моделей. Вход на них был бесплатным.

П. Н. Серебрянников, открывая очередную лекцию или беседу, всегда делал краткое вступление, стараясь заранее заинтересовать слушателей, настроить на нужный лад и приободрить выступавшего. Его выступления отличались оригинальностью, остроумием и являлись образцами лекторского искусства.

Большая роль принадлежала музею в популяризации достижений мировой и отечественной науки. Многим жителям Перми надолго запомнился день 26 апреля 1902 года. В зале музея, кроме его постоянных членов, собралось более сотни гостей. Они первый раз слушали доклад инженера, инспектора Пермского реального училища С. Н. Стемпневского о великом открытии уроженца Пермской губернии А. С. Попова — передаче электрических сигналов на расстояние без проволоки. Доклад назывался «О беспроводной электрической сигнализации». Сначала присутствующим были показаны опыты беспроводного телеграфирования, а затем Стемпневский изложил историю открытия А. С. Попова, подробно остановился на теоретических основах изобретения, рассказал об устройстве прибора. Доклад сопровождался показом световых картин при помощи «волшебного фонаря» и демонстрацией отдельных частей самого аппарата.

Павел Николаевич предложил от имени собравшихся послать изобретателю телеграмму следующего содержания: «Общее собрание членов Пермского научно-промышленного музея вместе с собравшейся публикой, выслушав сообщение г. Стемпневского о беспроводном телеграфе с опытами и о Ваших заслугах в этом открытии, шлют своему земляку сердечный привет и пожелание дальнейших успехов в научной деятельности»²². Предложение это было принято единодушно, и телеграмму немедленно отправили.

С развитием лекционной деятельности Серебренников постепенно стал направлять тематику докладов и сообщений в русло изучения проблем края. Так, 3 марта 1900 года на общем собрании был заслушан доклад Г. И. Баскина «Характеристика некоторых сторон крестьянского хозяйства Кунгурского уезда в связи с его почвенно-топографическими условиями». В заключение выступил Павел Николаевич. Отметив, что тема доклада касается вопроса, который весьма интересует общественность, он выразил надежду, что такого рода выступление не будет одиноким, а вызовет целый ряд докладов, освещающих естественно-исторические и бытовые условия Пермского края.

Большим успехом пользовался доклад В. А. Владимирского, прочитанный в 1902 году, на тему «Пермская губерния в начале XVIII и конце XIX веков». Этим было положено начало циклу докладов подобного направления. Наибольшим интересом пользовались доклады и сообщения А. Е. Богдановского «О переселениях в Пермскую и другие северные губернии», П. А. Голубева «Краткая история продовольственного дела в России вообще и в Пермской губернии», «Некоторые выводы об экономическом состоянии сельского населения Пермской губернии».

Местная периодическая печать внимательно следила за деятельностью музея и часто помещала заметки и сообщения о нем. Так, в августе 1909 года в музее читал лекцию «О молодой литературе» начинающий литератор, впоследствии широко известный поэт В. В. Каменский. В ней говорилось о творчестве А. Чехова, М. Горького, молодых новаторов Л. Андреева, И. Бунине, Б. Зайцеве и др. Многие мысли, которые высказал Каменский, были потом развиты футуристами. «Губернские ведомости» поместили на лекцию большую рецензию.

Статистики музея подсчитали, что за 25 лет (с 1890 по 1915 год) в нем было проведено 415 публичных заседаний, заслушано и обсуждено 529 докладов и сообщений. Около 70 докладов, сообщений, лекций, бесед из этого числа падают на долю Павла Николаевича, не считая его служебных председательских выступлений и выступлений по докладам. В основном его выступления были посвящены вопросам медицины и гигиены, особенно вопросам школьной гигиены и развития детского организма. Но были среди прочитанных им докладов и такие, как «О научных заветах XIX века XX-му», «Рудольф Вехров и его деятельность», «Пермяки»

(этнографический очерк), о жизни и творчестве Ф.М. Решетникова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. П. Бородина, Н. И. Пирогова.

Свои взгляды на гигиену как одно из средств оздоровления и продления жизни человека Павел Николаевич основывал на данных статистики и научных достижениях естествознания. Он был убежден, что смертность человеческая имеет совершенно ненормальный характер, характер бессмысленного вымирания, и среди причин смерти первенствующую роль играет не старость, на которую в России падало не более 6% общей смертности, а детская смертность: на детей от рождения до пяти лет включительно приходилось до 55% всех умерших. Серебренников называл этот факт вопиющим социальным злом и подчеркивал, что нравственное чувство всякого интеллигентного человека обязывает его напрягать все умственные и нравственные силы на то, чтобы вести упорную, систематическую и организованную борьбу со смертью. На первый план в качестве лучших и испытанных в течение всей исторической жизни человечества средств борьбы со смертностью Павел Николаевич выдвигал принципы общественной гигиены, в основу которых, по его мнению, должно было быть положено культурное развитие населения, широкое распространение умственного и нравственного образования народных масс. Эти мероприятия он связывал с улучшением материального положения народа.

Не ограничиваясь распространением научно - популярных знаний через аудиторию музея, Павел Николаевич организовал издание трудов музея, а также ежегодное печатание отчетов, что способствовало повышению интереса общественности к деятельности музея.

Всего до 1917 года музею удалось издать пять выпусков своих трудов под названием «Материалы по изучению Пермского края». Тираж каждого выпуска составлял всего 500 экземпляров. Отдельными брошюрами были изданы доклады Д. А. Удинцева «Нефть на Ухте» и И. К. Великанова «Река Вишера». Несколько раз для бесплатной раздачи крестьянам сумели напечатать «Краткий указатель по музею» и «Каталог книг, составляющих литературу о Пермском крае». К сожалению, средства музея были настолько ничтожны, что не позволяли ему напечатать даже описание своих коллекций. Для подтверждения сказанного отметим, что второй выпуск «Материалов...» был напечатан на средства пароходчика Н. В. Мешкова, а третий — на средства другого пермского мецената В. А. Каменской.

Ответственным редактором выпусков, кроме четвертого, был Павел Николаевич Серебренников, принявший на себя всю многотрудную работу по подготовке и изданию этих краеведческих сборников.

Для поощрения авторов лучших работ в музее выдавалась премия в сумме 120 рублей. В марте 1905 года эта премия была назначена П. А. Голубеву за его капитальный труд «Историко-статистические поездные таблицы по Пермской губернии». В последующие годы премии музея получили также В. Н. Серебренников, народный учитель Оханского земства, за работу «Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости Оханского уезда Пермской губернии» и ботаник П. В. Сюезев за труды по изучению флоры Урала.

С каждым годом росли и развивались научные связи музея. В 1908 году музей обменивался изданиями с 37 учеными обществами, учреждениями и учебными заведениями, в т. ч. с Академией наук, Русским географическим обществом, Одесской публичной библиотекой, Петербургским, Московским, Казанским, Харьковским, Киевским, Томским университетами, Вильненским, Кавказским, Казанским и Псковским музеями. 20 декабря 1915 года Пермский

научно-промышленный музей скромно отметил свой 25-летний юбилей, который был и юбилеем Павла Николаевича Серебренникова. Недаром многие поздравления адресовались прямо ему.

На этот культурный праздник откликнулись многие ученые общества, общественные учреждения и отдельные лица. 25 депутатий зачитали в зале свои поздравления, 54 поздравления были получены по почте и телеграфу.

Начинался осмотр музея с сельскохозяйственного отдела, где помещались коллекции почв и древесных пород Пермской губернии, образцы муки и хлеба из нее, которыми население губернии вынуждено было питаться в голодный 1891 год. В следующем, этнографическом, отделе посреди комнаты стояла витрина с костюмами и домашней утварью черемис, вотяков, коми-пермяков и других народностей Прикамья. В промышленном отделе обращала на себя внимание модель солеваренного завода в Соликамске. Над нею висела большая картина художника-самоучки Никонова «Крючники при нагрузке баржи крупчаткой». На одном из окон возвышалась модель горы Благодать. В простенках — модели судов, плававших по Каме и ее притокам. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, посетитель видел размещенные на стенах вдоль нее кости мамонта, носорога и первобытного быка, найденные в пределах Пермской губернии. На втором этаже находился зал заседаний, которым часто пользовались и другие общественные организации города. Проходя вдоль стен зала, экскурсанты рассматривали портреты известных русских и иностранных ученых и видных деятелей Пермского края. Среди них был и портрет Павла Николаевича. В зале также размещались экспонаты: образцы медных и железных руд, медного купороса, горного хрусталя, драгоценных камней, золота и платины. В глубине зала располагалась большая витрина с коллекцией старинных русских и иностранных монет, кредитных билетов. На стене висела витрина с медалями и жетонами. Эти экспонаты обычно привлекали наибольшее внимание посетителей. В июне 1906 года дерзкие похитители проникли через крышу в музей и унесли более 500 платиновых, золотых и серебряных монет. Сотрудники музея тяжело переживали эту кражу и принимали все меры к розыску похитителей. Но найти воров так и не удалось.

В зоологическом отделе подолгу толпилась детвора, с восхищением разглядывая чучела оленя, зайцев, рысей, сидящих на ветвях деревьев птиц. Трудно им было оторваться и от большого аквариума с золотыми рыбками. Витрина изображала часть уральской тайги с ее животным и растительным миром. На стенах были развешаны ящики с насекомыми окрестностей Перми, собранными Ф. Ф. Гельцерманом, одним из организаторов музея. В ботаническом отделе, кроме коллекций составленных из растений Прикамья, находилась витрина с чучелом теленка. Поднимаясь по лестнице на третий этаж, можно было увидеть целый ряд портретов исторических личностей России, кольчуги, холодное и огнестрельное оружие разных времен и народов, а также старинную посуду, изделия из чугуна, коллекцию изразцов. Три комнаты третьего этажа были заняты коллекциями, относящимися к археологии и истории Пермского края. Из них особый интерес представляли витрины с предметами из древних чудских поселений: глиняные сосуды, вылитые из бронзы фигурки сказочных животных и людей, кости жертвенных животных, наконечники стрел и копий, медные и бронзовые бляшки, подвески, пряжки и большое количество бус. На витринах-столах размещались старинные рукописи.

Чтобы привлечь в музей как можно больше посетителей из неимущих слоев населения, Павел Николаевич пошел на то, чтобы сделать вход в него бесплатным. Такого не было нигде в России. В высокой посещаемости Пермского музея это обстоятельство играло немалую роль.

Было бы неправильно думать, что деятельность Пермского музея проходила в безмятежной творческой обстановке. Музей жил вместе со своим краем и живо откликался на все его беды и тревоги. Выходящая далеко за рамки устава деятельность музея с самого его основания привлекала пристальное внимание губернской администрации. В этой деятельности она увидела не только просветительную сторону, но и большую социальную и политическую направленность. Прибывший в Пермь в 1902 году губернатор А. Наумов прямо-таки невзлюбил музей. По его распоряжению в музее было установлено дежурство полиции. Губернатор стал исправно получать через полицмейстера сведения о составе присутствовавших на собраниях и о характере докладов и выступлений на них. 16 марта 1904 года полицмейстер уведомлял о том, что в Пермском научно-промышленном музее «группируется революционная публика, о чем неизвестно губернскому жандармскому управлению» и что лекции в музее носят «тенденциозный характер». В качестве примера полицмейстер привел лекцию «О вреде пьянства», в которой лектор выразил мысль, «что правительство вовсе не стремится к искоренению пьянства, а, наоборот, с введением монополии воскресило царские кабаки времен Алексея Михайловича, преследуя исключительную цель получить возможно более акциза, который составляет главную статью в числе других государственных доходов».

На этом рапорте нервным неразборчивым губернаторским почерком была начертана резолюция, грозившая музею разделить участь Пермского экономического общества, а Павлу Николаевичу едва ли не каторгой «как личности заведомо неблагонадежной...» Для выполнения своего замысла в апреле 1904 года Наумов направил министру внутренних дел секретный доклад, в котором отразил все свои наблюдения над деятельностью музея. Он сообщал, что члены совета музея находятся под влиянием политически неблагонадежных лиц и занимаются революционной пропагандой. При этом он не забыл отметить, что в числе сотрудников музея находятся некоторые члены бывшего Пермского экономического общества. В докладе были названы и имена тех лиц, которые вызвали сильное губернаторское возмущение. Среди них, помимо П. Н. Серебренникова, находим знакомые фамилии В. А. Владимирского, И. Г. Остроумова, С. А. Удинцева, братьев А. С. и И. С. Сиговых, П. А. Голубева и некоторых других музейных деятелей.

В конце своего доклада-доноса Наумов просил у правительства разрешения разогнать весь совет музея, «сохранив это учреждение только как собрание предметов для показа без права какого-либо объяснения их значения иначе как по печатному каталогу, строго прорецензированному» 23.

Неизвестно, чем бы кончились домогательства пермского губернатора по отношению к музею и П. Н. Серебренникову, если бы не ударил грозный 1905 год, вдохнувший в стены музея свободные ветры революционных бурь. Сюда потянулись все, кому было что сказать. Общий зал Пермского научно-промышленного музея стал в это время тем местом в Перми, где каждый мог надеяться быть услышанным и понятым.

Музей жил и бурлил революционными страстями, свободное слово звучало здесь во всю силу. М. П. Федорова в 1936 году писала известному пермскому революционеру В. Н. Трапезникову, вспоминая об этом времени: «Помню, как на большом собрании в городском музее Вы вели митинг и сказали: «В дальнейшей стадии борьбы должен быть лозунг «вооруженного восстания». Один из обывателей сказал: «Да ведь это страшно». Вы засмеялись и ответили: «Да, это страшновато». И в дальнейшем продолжали развивать это понятие» 24.

Участие П. Н. Серебренникова и других представителей пермской интеллигенции в политической борьбе с царскими властями выражалось прежде всего в защите своего нужного

обществу дела. Таким делом была научно-просветительская деятельность музея. Жандармско-полицейский надзор и преследования вызывали гнев и возмущение всей передовой общественности.

С введением чрезвычайного положения в Пермской губернии и наступлением реакции пропагандистская деятельность резко сократилась. Некоторые из членов музея стали жертвами репрессий, другие, испугавшись, отшатнулись от него. Послереволюционный период был временем тяжелого испытания и для Павла Николаевича. Он не испугался неудач революции, но и его тяготил произвол властей, болью в сердце отзывалась наступившая в залах музея тишина, угнетало безразличие местной интеллигенции и общественных учреждений к нуждам и заботам музея.

Отношения между Павлом Николаевичем и пермской администрацией ухудшались с каждым годом. Ему не могли простить не только смелого председательства в музее, но и участия в работе Пермского экономического общества, публичных выступлений за коренные изменения в социально-экономическом положении класса неимущих и многое другое. В 1909 году Павел Николаевич вынужден был отказаться от поста председателя совета музея, чтобы не усугублять и без того пошатнувшееся положение. Но это не означало, что Павел Николаевич оставил навсегда музей. Наоборот, у него даже появилось больше времени, чтобы заняться вплотную его любимым детищем — подвижным музеем. Он оставался на всю жизнь с Пермским научно-промышленным музеем, состоя его почетным членом.

Вот это благотворительность!

В июле 1907 года Пермь посетил видный прогрессивный общественный деятель и публицист В. А. Поссе. 13 июля он прочитал в музее лекцию «О. кооперации в России и за границей». Здесь он познакомился с Павлом Николаевичем, приветливо встретившим столичного гостя. Музей очень заинтересовал Поссе, а в председателе совета музея он опытным журналистским взглядом сразу определил личность. Павел Николаевич охотно водил гостя по залам музея, рассказал его многострадальную историю, показал отчеты и опубликованные труды. Поссе все просматривал и делал записи в своем путевом блокноте. Его настолько заинтересовала подвижническая деятельность пермского знакомого, что он решил задержаться в Перми. Он попросил Павла Николаевича познакомить его еще с каким ни будь объектом неустанных забот. — Второе мое детище после музея — это Богородицкая школа. В нее также вложена часть моей жизни, — ответил с оттенком тихой грусти Павел Николаевич. — Вот давайте и поглядим на нее завтра, — предложил Поссе.

На следующий день Поссе узнал от Павла Николаевича историю школы, необычной для Перми тех лет.

В 1889 году в Перми было открыто первое в городе приходское попечительство о бедных при Богородицкой церкви (сейчас здание фарминститута по ул. Ленина, 48). Имя Павла Николаевича как врача бедняков и их защитников было в это время хорошо знакомо прихожанам церкви. В 1893 году они предложили ему стать председателем попечительства и принять на себя хлопоты по открытой в 1888 году мужской, но с 1890 года ставшей женской церковно-приходской Богородицкой школе, влачившей жалкое существование. Школа ютилась в крохотной церковной комнатухе и не имела ни школьного оборудования, ни учебников, ни подходящих учителей. Павел Николаевич зашел как-то в эту неуютную, холодную школьную комнату, увидел посиневшие лица бедно одетых детей и... согласился стать председателем попечительства, но не

ради божьего храма и его посещающих, а ради этих детей, ради школы. Он отбирал от приходских доходов попечительства все, что можно было взять, и все это шло на школу, на постройку нового здания для нее.



Здание Богородицкой школы благодаря необычайной энергии Павла Николаевича и его верной помощницы Евгении Павловны было построено за рекордно короткий срок. Школа переехала в него в 1896 году. Построено оно было из красного кирпича с узорной кладкой, оригинальной формы окнами, над которыми по краям в полукружье было ярко выписано слово «Школа». Это слово и сейчас явственно просматривается на здании, в котором ныне размещается школа рабочей молодежи № 7 (улица Кирова, 55). Через окна виднелись просторные чистые классы, рядами стояли новенькие парты, на стенах были развешены наглядные пособия, на окнах стояли цветы. В школе обучалось более двухсот девочек из бедных семей и приютов. Школа стремилась не только дать общее начальное образование своим ученицам, но и научить их профессии, для чего был открыт дополнительный рукодельный класс, в котором ученицы после окончания общеобразовательного класса обучались кройке, шитью, вязанию, вышиванию и другим женским ремеслам. В рукодельном классе ученицы обучались четыре года, переходя из группы в группу, и к 16—18 годам становились вполне грамотными и искусными мастерицами. Их будущее было более-менее обеспеченным, они могли жить своим трудом, быть примерными хозяйками, женами, матерями.

Образцы рукодельных работ учениц Богородицкой школы занимали отдельную витрину в Пермском научно-промышленном музее. Они экспонировались в 1909 году на Всероссийской школьной выставке и были по достоинству оценены посетителями, видевшими их.

Ежегодно в школе устраивались так называемые дни благотворительности, когда ученицы изготовляли свои изделия для многочисленных семей пермских бедняков и раздавали их в виде подарков. Как врач, Павел Николаевич внимательно следил за здоровьем своих подопечных и бесплатно оказывал им необходимую медицинскую помощь. Он сумел подобрать для школы отличный учительский персонал. В школе Серебrenникова преподавала, например, О. М.

Варфоломеева, зачинатель внешкольного образования в Перми, видная общественная деятельница, работавшая в системе народного образования долгие годы и при Советской власти.

При школе Павел Николаевич организовал Богородицкий приют, куда поступали дети 8—10 лет, потерявшие родителей. До восьмилетнего возраста их содержал приют-ясли Андауровой, открытый в 1899 году. Девочки из приюта, как правило, заканчивали Богородицкую школу и получали то или иное ремесло в профессиональном классе.

Обучение в Богородицкой школе было бесплатным: все расходы брало на себя попечительство.

В проведении культурно-просветительных и медико-гигиенических мероприятий Павел Николаевич широко использовал такое учреждение, как губернский комитет попечительства о народной трезвости, открытый в 1895 году. За свою полезную деятельность по борьбе с пьянством и алкоголизмом среди населения губернии путем организации и проведения народных чтений и бесед, распространения медицинской литературы, устройства чайных, народных читален, лечебных учреждений для лечения алкоголиков Павел Николаевич был утвержден почетным членом этого комитета.



Городцов Александр Дмитриевич

Источник фотографии - Электронная энциклопедия «Пермский край»

Вместе с Серебренниковым в губернском комитете многие годы служил его большой друг, известный общественный деятель, организатор народно-певческого дела в Пермской губернии А. Д. Городцов. Под его руководством в феврале 1896 года появились народно-певческие хоры в ряде населенных пунктов губернии, а 16 июня того же года в Перми открылись первые курсы певческой грамоты, которые стали проводиться ежегодно. Павел Николаевич был ревностным помощником Городцова в проведении этих курсов. Они проходили, как правило, летом, в здании Богородицкой школы и длились около месяца. Обучение на них было бесплатным, а 50 человек могли даже получить от попечительства стипендию в размере 10 рублей. Число курсантов не ограничивалось. Задачей курсов являлось проведение в широкие народные массы знаний по певческому делу и нотной грамоте, доступных народу произведений лучших русских композиторов. Павел Николаевич, будучи сам любителем хорового пения, читал на курсах лекции об анатомии легких, гортани, органов речи и слуха. На эти курсы приезжали слушатели даже из соседних губерний.

В 1898 году в той же Богородицкой школе Серебренников и Городцов организовали бесплатный певческий класс, занятия которого проходили 3—4 раза в неделю в течение зимнего периода. В этом классе преподавались постановка голоса, элементарная теория музыки, основание гармонии, сольфеджио и музыкальный диктант, разучивались хоровые пьесы. Учащиеся певческого класса образовывали смешанный хор, который выступал на народных чтениях, проходивших в школе по выходным и праздничным дням. В этот день зал всегда был переполнен. Весной и летом хор под управлением Городцова выступал в городском саду на гуляньях.

Народные чтения впервые были организованы Серебренниковым в 1896 году сразу же после постройки здания Богородицкой школы. «Это здание,— говорил Павел Николаевич, — по мысли и желанию жертвователей на постройку его, предназначено не только для детей, но и для взрослых. С этою целью само здание устроено так, что нижний этаж его совершенно обособлен от верхнего, где помещается школа, и предназначен для того, чтобы дать возможность и взрослым людям, не получившим в свое время никакого образования, познакомиться хотя бы с самыми элементарными сведениями из области религии, истории, литературы, а также и с гигиеной в связи с явлениями природы»²⁵.

Для проведения народных чтений Павел Николаевич привлек лучших педагогов города: А. И. Гашева, П. Н. Захарова, В. Ф. Манвелову, П. П. Грузинцева, Г. А. Орлова и многих других. За один только 1897 год Серебренников провел 37 чтений, охвативших более 8000 человек, чтения проходили при переполненном зале. Состав слушателей был самый разнообразный. Здесь можно было увидеть и молодых рабочих, и приказчиков, и служащих, и учителей народных школ.

Однажды Павел Николаевич получил по почте письмо в грубом самодельном конверте, написанное корявыми буквами. В нем группа рабочих выражала Павлу Николаевичу искреннюю благодарность за народные чтения. Они писали: «Вы просвещали русский народ, Вы устраивали для нас чтения, Вы учили русский народ добру, за что и благодарим Вас, Павел Николаевич. В сем здании Вы учили нас правде... За учение о правде и за все Ваши дела на пользу и просвещение русского народа мы приносим Вам благодарность, великое русское спасибо»²⁶.

Павел Николаевич бережно хранил это письмо как дорогую награду за свой просветительский труд.

Серебренников участвовал во всех крупных общественных мероприятиях, проводимых в городе. Так, в апреле 1890 года он заведовал одним из переписных участков при проведении однодневной переписи жителей и строений города Перми. Эта перепись показала, что в Перми 14 тыс. безграмотных взрослых людей, что составляло около 40% всех жителей города. Это обстоятельство не на шутку встревожило прогрессивную общественность. Было решено открыть воскресные школы для взрослых. 4 октября 1892 года была открыта Воскресная мужская школа, а на следующий год, в сентябре,— женская. Для руководства ими избрали совет пермских воскресных школ, в состав которого вошел и Павел Николаевич. В мужской воскресной школе он читал курс основ гигиены. В женской школе такой же курс вела Евгения Павловна. При школах были организованы библиотеки, велись публичные чтения с демонстрацией световых картин.

В мужской воскресной школе, заведовал которой известный пермский революционер, впоследствии член Пермского комитета РСДРП А. И. Гашев, обучалось 45 взрослых учеников. В женской школе обучалось более 80 учениц, которые по грамотности делились на группы: первая включала совсем неграмотных, вторая — знающих только буквы, третья — умеющих разбирать слова, но не умеющих писать, и четвертая — хорошо читающих, но не умеющих писать. Каждую группу вел отдельный учитель. Школы с каждым годом крепили, набирали силу, подобрался отличный педагогический состав, образовалась материальная база. Но в 1899 году школы вдруг закрыли, совет распустили. Это было делом рук пермских церковников. Они ополчились на школы за то, что их учителя не желали тратить время на изучение таких предметов, как закон божий, церковно-славянское чтение и пение. 9 мая 1901 года был снова днем триумфа Павла Николаевича. Сбылась его давняя мечта. В Нижней Курье было закончено строительство здания детской оздоровительной колонии, расположенной в сосновом бору на берегу Камы. В этот день Павел Николаевич привез на пароходе «Верочка» многочисленных гостей, чтобы показать им колонию, рассказать о своей мечте. Среди приглашенных были члены Пермского музея, делегаты VIII губернского съезда земских врачей, представители пермской общественности. Гости ходили по колонии, вдыхали терпкий запах смоляных стен и свежеструганных досок и не могли скрыть восхищения. Колония была рассчитана на одновременное пребывание в ней 30 детей. В середине здания находился рекреационный зал, по бокам его, в крыльях, — две большие комнаты: одна для мальчиков, другая для девочек. Рядом с залом находилось помещение для учителей.

После осмотра колонии радушный хозяин пригласил гостей за большой импровизированный стол. На столе стоял впечатляюще огромный самовар. Пока гости пили чай, Павел Николаевич сделал доклад о значении детских колоний для здоровья детей. Он рассказал историю возникновения таких колоний, при этом отметил, что Россия сильно отстала от цивилизованных европейских стран, что детские летние колонии появились сравнительно недавно около таких крупных городов, как Москва и Одесса. Далее докладчик рассказал о том, как и когда зародилась мысль создать детскую колонию около Перми, как она осуществлялась.

Колония, вначале предназначенная только для учеников Богородицкой школы, вскоре стала принимать на отдых и поправку здоровья детей бедняков из некоторых других школ Перми. 15 января 1902 года в зале Пермского благородного собрания общественность пышно отметила 25-летний, юбилей врачебной и общественной деятельности Серебренникова. Его приветствовали делегации от 26 учреждений города и губернии. Было получено множество приветствий по почте и телеграфу, Вряд ли еще когда Пермь видела такое единодушие, такую массовость в выражении

благодарности и признания заслуг человека, не отмеченного ни высокими правительственными наградами, ни чинами. Павел Николаевич был и счастлив, и растерян. Человек простодушный, скромный, бескорыстный, всегда боящийся иметь завистников, он и сам до конца не мог осознать всей пользы сделанного им для города, детей, бедняков, больных, музея, всех тех общественных организаций, членом которых он состоял. Большой речью от имени Пермского научно-промышленного музея юбиляра приветствовал В. А. Владимирский, подчеркнувший огромные заслуги его в расширении всех сфер деятельности музея и отстаивании его самостоятельности. Он сообщил собравшимся о решении общего собрания членов музея избрать Павла Николаевича своим почетным членом и вывесить в зале общих заседаний его портрет, а также образовать особый фонд его имени для выдачи премий за лучшие издания и исследования по изучению Пермского края.

Для оказания помощи детям бедноты Павел Николаевич использовал различные общественные организации. Когда в Перми образовалось общество вспомоществования нуждающимся учащимся низших училищ, Павел Николаевич стал его председателем. Как записано в уставе, общество могло оказывать помощь бедным ученикам при хорошем их прилежании платой за учение, бесплатной выдачей учебников, снабжением одеждой, обувью, пищей и приютом неимущим учащимся, оказанием бесплатной медицинской помощи больным, выдачей единовременных пособий на устройство школьных праздников, экскурсий, летних колоний, общественных игр и т. д.

За 1905 год, первый год своей деятельности, общество выявило очень тяжелое материальное положение большинства учащихся начальных школ города и смогло оказать некоторую помощь 160 ученикам. В отчете за 1905 год приведены примеры исключительной бедности и неустроенности некоторых учеников. Так, учитель одного из начальных училищ сообщил правлению общества: «В числе учеников моего училища есть мальчик, сын вдовы-крестьянки. В самое последнее время мне совершенно случайно пришлось узнать, при каких условиях приходится учиться этому мальчику. Мать ученика живет в селе Новоильинском, имеет на руках еще двоих детей. Решив учить сына, бедная женщина поместила его у своей дальней родственницы, живущей с мужем в первой пожарной части. Мальчик пользуется бесплатно углем, а хлеб ему доставляет время от времени мать. Чай и горячее перепадает редко, как подачки от хозяев, которые и сами очень бедны. Таким образом, ученик прожил целый учебный год на одном хлебе, в большинстве случаев черством, и воде. Такое скудное питание крайне дурно отозвалось на организме мальчика, который выглядит слабым и истощенным, отличается вялостью движений и недетской задумчивостью в то время, когда остальные ученики шалят и играют. На последнем свидании с матерью, удивленной и обеспокоенной худобой сына, он сознался, что постоянно хочет есть»²⁷.

Павел Николаевич привлек в общество новых членов, изыскал денежные средства, организовал ряд мероприятий. Одним из таких мероприятий было проведение детских праздников древонасаждения. Первый из них состоялся 4 мая 1908 года. В Пермском научно-промышленном музее собралось около 200 учеников из разных пермских школ, преимущественно дети бедняков. Здесь была устроена репетиция праздника: дети пели и читали. Затем они были выстроены во дворе музея парами, учителя раздали им разноцветные флаги, цветные перевязи и банки с живыми цветами. Впереди колонны две маленькие девочки несли деревце — эмблему праздника. В 10 часов шествие направилось к пристани, а оттуда пароходом дети были доставлены в Нижнюю Курью. Здесь на даче Богородицкой школы им предложили сытный, вкусный завтрак, после которого была предоставлена полная свобода, организованы

детские игры. Затем дети снова были собраны вместе, и лесовод прочел им популярную лекцию о пользе древонасаждения и правилах посадки деревьев. После лекции дети стали сажать деревья. К 7 часам вечера все вернулись в Пермь.

Праздник этот всколыхнул город, а у детей, участников его, остался в памяти на всю жизнь как день искренней, неподдельной радости и веселья.

Кроме этого, Павел Николаевич устраивал так называемые дни белой ромашки, посвященные борьбе с детским туберкулезом, частым спутником семей обездоленных. Такой детский праздник был, например, проведен 20 апреля 1911 года. В нем в общей сложности участвовало около 1500 детей старшего возраста, учащихся народных школ города. Праздник начался в 12 часов дня в народном зале имени П. Н. Серебренникова в Богородицкой школе. Павел Николаевич в общедоступной форме рассказал собравшимся о туберкулезе и необходимости начинать борьбу с этим страшным заболеванием. Свою беседу он иллюстрировал световыми картинками, рисунками, диаграммами. Беседа закончилась раздачей детям печатных плакатов с изложением того, что важно и необходимо знать каждому о туберкулезе. В этот же день было устроено торжественное шествие детей по главным улицам города с музыкой, флагами, плакатами до Загородного сада (ныне парк им. М. Горького), где детям было приготовлено угощение и организованы игры.

Страстно любя детей, молодежь, Павел Николаевич много помогал работе общества «Светлая юность», организованного весной 1912 года О. М. Варфоломеевой. Благодаря ее хлопотам в Перми был открыт первый детский сад. Павел Николаевич стал его первым врачом.

Уйдя с поста председателя совета Пермского научно-промышленного музея, Павел Николаевич включился в работу по созданию нового культурного учреждения в Перми — Народного дома. Вопрос о его создании под названием Пушкинского народного дворца был поднят членами Пермского драматического кружка еще в 1899 году в дни празднования 100-летнего юбилея А. С. Пушкина. В 1908 году был принят устав общества «Народный дом». В апреле 1910 года оно было открыто на базе общества бесплатной библиотеки-читальни, существовавшей с 1900 года. Состоя членом общества, Павел Николаевич активно содействовал созданию и налаживанию работы библиотечной и лекционной секций, воскресной школы для взрослых, проведению народных чтений.

Общество «Народный дом» изыскало средства, разработало замечательный проект и начало строительство своего здания, но не успело его завершить из-за начавшейся мировой войны.

Павел Николаевич много внимания уделял росту книжного фонда центральной библиотеки общества и ее филиала. Он составил рекомендательный список для читателей библиотек по медицине и гигиене.

Лекции, организуемые обществом, велись по двум направлениям: первое носило научно-популярный характер, второе являлось художественно-беллетристическим. 9 октября 1911 года в помещении Екатерино-Петровского городского четырехклассного училища была открыта смешанная воскресная школа общества «Народный дом». В школу приезжали крестьяне ближайших деревень — настолько велика была тяга к грамотности в простом народе. Кроме общеобразовательных предметов, в школе велось обучение кройке и шитью, что особенно

привлекало сюда женщин. По просьбе Павла Николаевича в школе вел уроки пения А. Д. Городцов.

Когда началась первая мировая война, Павел Николаевич стал читать лекции на антивоенные темы. Сохранились черновики некоторых лекций, точнее, речей, которые он произносил, не боясь репрессий царских властей. В одной из них он говорил: «Россия, а также и вся Европа и даже почти весь мир переживают уже более двух лет чудовищную, беспримерную и небывалую войну, может быть, последнюю войну в истории человечества. Чтобы не быть голословным, приведу несколько данных: в первый год войны находилось под ружьем около 20 млн. солдат... Каждый день на эти 20 млн. тратилось около 150 млн. рублей. Это было два года тому назад. А что же теперь все это стоит? Об этом страшно подумать. Но разве только в этом одном заключаются убытки войны? А сколько стоят жизни миллионов убитых, искалеченных и погибших от удушливых газов? А сколько горя и слез приносит война семьям убитых? Разве это можно учесть?» Как современно звучат эти слова, сказанные 75 лет назад... Но свои выступления на эту тему Павел Николаевич всегда заканчивал оптимистично, веря в победу разума человека над злом: «Вы знаете, что человечество перенесло немало бурь; его история полна насилия, жестокости, крови, и, однако, оно неуклонно двигалось вперед — от варварства к человечности, от мрака — к свету... Оно падало, но неизменно поднималось, еще выше поднимая свой светильник. Будущее сильнее прошлого — как бы ни была велика власть последнего над настоящим» 28. 1 октября 1916 года в актовом зале Мариинской женской гимназии (ныне здание сельхозинститута) состоялось торжественное открытие Пермского университета. Среди 253 приветствий, телеграмм и адресов был адрес Пермского научно-промышленного музея, который зачитал П. Н. Серебренников. В деле создания университета был и его вклад. Из своей личной библиотеки он передал в дар университету около 300 книг.

У читателя может сложиться впечатление, что П. Н. Серебренников занимался только решением санитарно-гигиенических и культурно-просветительных вопросов в крае. Однако ему приходилось много заниматься и делами, носящими узкий, практический характер. Уже говорилось, что это было время, когда шло усиленное переселение крестьян из западных областей России на Урал и в Сибирь, на новые земли. Крестьяне, спасаясь от малоземелья и нищеты у себя на родине, ехали искать счастья на далекой стороне. Путь их лежал через Пермь. Особенно большое скопление переселенцев наблюдалось здесь летом. Они толпами сходили с барж и пароходов на берег, чтобы следовать далее по железной дороге. Все расстояние по левому берегу Камы от железнодорожного вокзала Пермь II до кафедрального собора было занято пристанями, амбарами, складами пароходств Курбатова, братьев Каменских, Любимовых, Тупициных. Летом все это пространство напоминало муравейник: у причалов стояли пароходы, из них выгружались или вносились в них различные грузы, по мосткам к дебаркадерам пристаней сновали пассажиры, носильщики. В воздухе стоял гул от пароходных гудков, предупредительных криков носильщиков, ржанья лошадей. Около складов, прилегающих к пристаням, двигались взад и вперед телеги с грузом в город или за грузом к складам. Здесь можно было увидеть грузчиков, здоровых парней с широкими плечами и открытой грудью, в широченных штанах и лаптях, рубахах из грубого льна и в войлочных шляпах.

Все пространство между пристанями было заполнено баржами, разбитыми плотами и просто отдельными бревнами. Вода на всем этом пространстве была мутной и грязной: в ней плавали щепки, арбузные корки и прочий мусор. На берегу около пристаней лежали днищами кверху лодки.

Вдоль верхнего края всего пространства пристаней, напротив железнодорожного вокзала,, было расположено целое скопище мелких лавчонок с разными съестными припасами: булками хлеба, пирогами, холодцами, селедкой, квасом, арбузами и т. д. Шум и гвалт стоял невообразимый: покупатели ругались с продавцами, плакали дети, ларёчники зазывали покупателей. В дни прибытия больших партий переселенцев продуктовые лавки быстро пустели, разбирались самые некачественные продукты. Только поздней осенью Кама, сковываясь льдом, заставляла затихнуть этот муравейник.

Павел Николаевич часто наблюдал за жизнью на Каме. Положение переселенцев, оказавшихся на полпути, часто истративших свои скудные сбережения, перенесших болезни, а то и потерявших в пути кого-нибудь из близких, до глубины души трогало его. Он видел, как они мерзли на берегу в холодную погоду, часто голодали, болели. Особенно ему было жаль детей. Переселенцам был нужен временный приют, хотя бы барак с нарами и печкой, самое необходимое медицинское обслуживание и возможность питаться самой простой пищей. Но где взять средства? Кто, поможет? Серебренников уже знал по своему личному опыту, что сила убеждения и энергия даже одного человека делают чудеса, если они направлены на добрые, гуманные цели. Прежде всего о своем намерении построить барак и столовую для переселенцев он известил общественность города через местную печать. Затем добился выделения на это небольшой суммы денег у пермского губернского переселенческого комитета, городской думы, нашел богатых благотворителей. В конце мая 1898 года барак для переселенцев и столовая при нем были открыты. Для надзора за деятельностью столовой и оказанию ей материальной помощи создали специальную комиссию во главе с Павлом Николаевичем.

В народной столовой питались не только переселенцы. Ее охотно посещали небогатые чиновники и учащиеся. В этой столовой можно было заказать щи, суп, бульон или похлебку с хлебом за 5—9 копеек, кашу за 3—4 копейки. В течение дня одной похлебки выдавалось более 100 порций. Благодаря заботам Павла Николаевича народная столовая продолжала работать и зимой, но в теплом помещении.

В столовой комиссия во главе с Серебренниковым установила жесткие правила, прививавшие культурные навыки переселенцам: соблюдение чистоты, порядка, тишины, запрещение употреблять спиртное и курить, требование мыть руки перед едой и т. д.

Не нужно забывать, что по роду своей службы Павел Николаевич был связан с пермским духовенством. С самого начала своей разнообразной деятельности у Павла Николаевича с ним сложились натянутые взаимоотношения. Сам он был атеистом; в исповедальной книге Рождество-Богородицкой церкви, прихожанином которой он являлся, против его фамилии отсутствуют отметки о том, что он когда-либо был на причастии и исповедании. Старые семинаристы, вспоминали, что он часто посмеивался над догмами церкви и особенно над их ритуальной стороной, например, отождествлением красного вина «кагора», даваемого прихожанам в дни причащения в ложечке вместе с крошками хлеба, с кровью христовой. Однако в частых общениях со своими пациентами-бедняками, в основном глубоко религиозными людьми, он не позволял себе никаких насмешек над их религиозным чувством. Наоборот, его слова часто в разговоре с ними были пересыпаны цитатами из библии или евангелия, что очень нравилось старикам и вызывало доверие.

Большую популярность Павла Николаевича в народе как врача и общественного деятеля пермское духовенство стремилось обратить в свою пользу, привлекая его к работе в церковно-общественных организациях и надеясь в конечном итоге повысить их доходы. Павел Николаевич

прекрасно понимал эту закулисную сторону доброжелательного отношения к нему пермских церковников, но соглашался работать в их учреждениях, т. к. видел, что они самые массовые и самые действенные, нужно только направлять их деятельность на пользу простых людей. Он умел ее направить так, чтобы построить прекрасные здания и для Богородицкой школы, и для школы слепых, и для летней детской колонии, организовать ежегодные массовые новогодние елки для детей бедноты, бесплатные обеды для нищих в дни праздников, дешевые народные столовые и сделать еще много других добрых дел.



Серебренникова Евгения Павловна с мужем Серебренниковым Павлом Николаевичем

Источник фотографии - Электронная энциклопедия «Пермский край»

Со временем духовно служители поняли, что прибрать к рукам Серебренникова им так и не удастся, и решили убрать его с поста председателя Богородицкого попечительства, а заодно и очернить в глазах общественности. Они задумали нанести Павлу Николаевичу такой удар, чтоб он надолго был выбит из нормальной жизненной колеи. Для этой цели они выбрали самое уязвимое место — врачебную этику, гордость врача. В августе 1906 года на проходившем в Перми съезде духовенства губернии они поставили вопрос об увольнении Павла Николаевича с должности врача Пермского епархиального женского училища как лица, не соответствующего этой

должности. Предлогом послужило клеветническое заявление одного из депутатов съезда священника Дубровского о том, что Павел Николаевич якобы поставил неправильный диагноз и не оказал должного внимания его заболевшей дочери. Серебренников, узнав из печати об «издевательстве» над его репутацией и добрым именем, подал заявление об увольнении не только из этого учебного заведения, но и из мужского духовного училища, где он также много лет состоял врачом.

Пермские врачи единодушно встали на защиту почитаемого коллеги и объявили духовенству бойкот. Такого еще не было в истории города. Из солидарности с Павлом Николаевичем никто не стал занимать освободившиеся должности училищных врачей. Духовенство поняло, что с Павлом Николаевичем бороться будет нелегко: он может постоять за себя, и у него всегда найдутся защитники. Только через три года общество пермских врачей сняло бойкот. Новый съезд духовенства в 1909 году принес извинения Павлу Николаевичу, и тот, жалея ни в чем не повинных детей, вернулся к исполнению должности.

Павел Николаевич часто выступал в защиту прав простых людей. При этом он нисколько не заботился о последствиях, могущих повлиять на его благополучие. Он никогда не боялся ни гражданского, ни церковного начальства. Справедливость, честность, правдивость ценились им превыше всего. Вместе с А. Д. Городцовым в 1910 году Павел Николаевич смело и решительно встал на защиту учителя Левшинской школы К. П. Вяткина и его помощниц учительниц сестер А. и Н. Иваницких. Отцы церкви из Пермского епархиального училищного совета обвинили их в том, что «благотворно-воспитательного значения закону божию и обрядам святой церкви они не придают; долга исповеди и святого причастия не исполняют; посещение храма божия считают обременительным как для себя, так и для детей...» Поверив доносам местных священников, они уволили всех троих среди учебного года «без объяснения причин увольнения». Применялся в то время такой метод расправы с неудобными на государственной и церковной службе людьми. Устроиться вновь с таким волчьим билетом по данному ведомству было уже невозможно. Вяткин в заявлении-протесте писал наблюдателю церковных школ в Пермском уезде: «В церковных школах я служу уже 13-й год, в Левшинской школе — 9-й год и ни в чем дурном как со стороны епархиального начальства, так и со стороны местных жителей не был замечаем.

Еще в большее недоумение меня вводит то обстоятельство, что в прошлом учебном году я был награжден как один из выдающихся учителей серебряной медалью и получил письменную благодарность за прекрасную постановку в школе пения, вторую письменную благодарность — за постановку воспитательного дела в школе вообще, а в нынешнем году считаюсь уволенным, и неизвестно по какой причине.

Если Вы имели намерение меня уволить, то почему же не сделали этого в летнее каникулярное время, когда еще возможно было поступить на должность учителя в другие школы, а теперь вы самым безжалостным образом поступаете с человеком, который служил вам верой и правдой 12 лет, не жалея своей собственной жизни, отказывая себе в самом необходимом и не видя для себя впереди ничего утешительного, кроме чахотки, неврастения и богадельни. Я не думаю, что вы, так хорошо знающие закон евангельский, сделали это со спокойной совестью.

Считая такое отношение ко мне несправедливым и противоречащим заповедям евангельским, я покорнейше прошу вас выяснить мне причину моего увольнения» 9.

Павел Николаевич, состоя членом Пермского уездного отделения епархиального училищного совета, узнав об этом возмутительном произволе церковников, на заседаниях

советов устно протестовал против такого наказания учителей, а когда это не помогло, написал с Городцовым письменные соображения, в которых доказывал несостоятельность и жестокость решения церковнослужителей. Видя безуспешность этих доказательств, Серебренников в виде протеста вышел из состава отделения «без объяснения причин», написав в заявлении: «Считаю долгом заявить, что я не могу более оставаться членом отделения, а потому прошу Вас исключить меня из состава совета»³⁰.

Так окончательно порвались связи Павла Николаевича с духовным ведомством. Но оставалась еще напряженная работа в многочисленных государственных, учебных и общественных организациях, сотрудником и членом которых был Павел Николаевич.

Перед первой мировой войной здоровье Серебренникова стало заметно ухудшаться: сказывались возраст и годы напряженного деятельного труда. Павел Николаевич поехал вместе с женой Александрой Степановной (Евгения Павловна умерла в 1897 году от опухоли мозга) в Германию, где прошел курс курортного лечения, потом в Алупку, где Пермское губернское земство выстроило собственное здание санатория.

Вырос и выучился приемный сын Павла Николаевича и Евгении Павловны Вадим, усыновленный ими в 1891 году. Как и отец, он стал врачом, посвятив себя борьбе с туберкулезом. В Ташкенте, где Вадим прожил основные годы своей жизни, им был организован противотуберкулезный диспансер, носящий теперь его имя, и санаторий. Он изобрел аппарат для ранней диагностики заболевания туберкулезом, вел большую общественную и научную работу. В 1934 году ЦИК УзССР присвоил ему звание Героя Труда. «Глубоко уважаю и чту память покойного отца моего Павла Николаевича, - писал Вадим Павлович в 1934 году. — Исключительно ему я обязан в том, что моя жизнь протекает не без пользы для общества и государства. Пример его жизни, воспитание и образование, которые он мне дал, дают мне возможность честно выполнять долг гражданина и человека»³¹.

Душевная теплота и сердечность Павла Николаевича подкупали каждого, кто с ним общался. Шел однажды по пермской улице (ныне улица Кирова) мимо дома Серебренниковых деревенский парень Федор Шарнин, приехавший в город на заработки, и увидел на воротах объявление: «Нужен дворник и кучер молодых лет» (Павел Николаевич для своих многочисленных разъездов держал экипаж). Парень зашел, спросил хозяев. Поговорил сначала с Александрой Степановной, потом с Павлом Николаевичем и остался у них. В супругах Серебренниковых Федор нашел не хозяев, а искренних, добрых друзей. Павел Николаевич помог ему подготовиться и сдать экзамен на звание народного учителя, затем Федор экстерном сдал экзамен за шестой класс реального училища. Уже при Советской власти Шарнин окончил университет и тоже стал врачом.



Павел Николаевич Серебренников скончался в Перми 20 марта 1917 года. Сохранились фотографии его похорон. На них запечатлено большое количество народа на Покровской улице, пришедшего проводить в последний путь «пермского Гааза», «печальника всех обездоленных», «Дедушкой пермского прогресса» назвал Павла Николаевича пермский поэт М. А. Полозов, написавший о нем в 1916 году следующие строки: В сумерки русской общественной жизни, С ценным запасом и мыслей, и сил Вышел служить ты на благо отчизне, Делу, что нежно и жарко любил. Страха не зная пред косностью века, Шел ты, быть может, порой наугад, Шел, где страданье ждет человека, Веря, что твой он и друг, и собрат...32.

В Перми жила племянница Александры Степановны, второй жены Павла Николаевича, Екатерина Михайловна Нечаева, одна из первых женщин-юристов на Урале. Она воспитывалась в доме Серебренниковых и хорошо помнила Павла Николаевича, его доброту, неотразимую притягательность, удивительное умение быть другом детей и всех обиженных и обездоленных. Многие годы Екатерина Михайловна бережно хранила ценные реликвии и документы Павла Николаевича. В 1980 году она передала их на хранение в областной музей и государственный архив.

Будущее страны — это ее дети. Если бы смог сейчас Павел Николаевич посмотреть на них, то, наверное, воскликнул бы: «Вот к чему были направлены мои помыслы и дела!» Действительно, его бесплатная школа для детей бедняков, которой так восхищался Поссе, его детская колония в Нижней Курье, устраиваемые елки для детей — разве это не прообразы современных школ, пионерских лагерей, детских праздников и спортивных состязаний? А больницы, школа для взрослых, лекции для народа, библиотеки, Народный дом, столовая для переселенцев и, наконец, музей? Конечно, их ни в какой мере нельзя сравнить с современными больницами, школами, библиотеками, дворцами культуры, музеями, но они были первыми, и их

организатором и творцом вместе со своими единомышленниками являлся такой человек, как Павел Николаевич Серебренников, который всю свою жизнь торопился делать людям добро.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Труды П. Н. Серебренникова

- Серебренников П. Н. Вниманию родителей: По поводу искривления позвоночника у детей // Пермские губернские ведомости (П Г В) . — 1890. — № 81, 82, 84.
- Серебренников П. Н. Вниманию добрых людей, сочувствующих начальному образованию в г. Перми. — Пермь, 1906.— 4 с.
- Серебренников П. Н. Директор санитарной станции в Перми как антрополог: Критический разбор. — Пермь, 1887. — 35 с.
- Серебренников П. Н. Доклад об ирбитском ярмарочном сифилисе, читанный в заседании Ирбитской санитарной комиссии// П Г В . — 1884. — № 2, 3.
- Серебренников П. Н. Из Красноуфимска // П Г В . - 1883. — № 19.
- Серебренников П. Н. Из работ бывшей санитарной комиссии // ПГВ. — 1884. — № 83, 84.
- Серебренников П. Н. Краткая летопись Пермского музея (15 ноября 1890— 15 ноября 1915 гг.) // Краткая летопись Пермского научно-промышленного музея (15 ноября 1890— 15 ноября 1915 гг.) с отчетом за 1913 и 1914 гг. — Пермь, 1916. — С. 1—15.
- Серебренников П. Н. Краткие сведения о подвижном музее учебных пособий за 1906 год // Отчет Пермского музея за 1906 год. — Пермь, 1907. — С. 31—33.
- Серебренников П. Н. Краткий очерк развития деятельности Градо-Пермского Рождество-Богородицкого приходского попечительства с основания его по настоящий 1896 год: Первое пятилетие и отчет за прошлый 1895 год.— Пермь, 1896.— 50 с.
- Серебренников П. Н. Краткий очерк холерных эпидемий в России, Пермской губернии и г. Перми. — Пермь, 1892. — 20 с.
- Серебренников П. Н., Кокосов В. Я. Краткие автобиографические сведения (1845—1911) с добавлениями доктора В. Н. Золотницкого и П. Н. Серебренникова. — Пермь, 1915. — 15 с.
- Серебренников П. Н. Любопытные параллели: О гигиенических условиях в Пермском духовном училище и Пермском уездном училище// П Г В .— 1890. — № 85.
- Серебренников П. Н. Материалы для характеристики духовно-учебных заведений Пермской епархии с точки зрения гигиены. — Пермь, 1890.
- Серебренников П. Н. Минеральные источники в Ирбитском уезде // ПГВ. — 1884. — № 55.
- Серебренников П. Н. Наставление для пользования летучей аптечкой, когда нет врача: О холере, ее предупреждении и лечении // Пермские епархиальные ведомости (ПЕВ). — 1892. 14.
- Серебренников П. Н. Несколько не лишённых интереса справок: О предупреждении и лечении холеры //Екатеринбургская неделя. — 1892. — № 32, 33, 39, 40.

- Серебренников П. Н. Общественно-санитарные задачи города Перми. — Пермь, 1889. — 32 с.
- Серебренников П. Н. Опыт медико-топографического описания г. Ирбита Пермской губернии. С планом города и диаграммой: Диссертация на степень доктора медицины. — СПб., 1885. — 140 с.
- Серебренников П. Н. Отчет о деятельности Пермского научно-промышленного музея за 1908 год //Пермский научно-промышленный музей в 1908 году: Краткий отчет с приложениями. — Пермь, 1910. — С. И — 22.
- Серебренников П. Н. Отчет о развитии и деятельности подвижного музея наглядных пособий, составляющего отдел Пермского научно-промышленного музея //Отчет Пермского музея за 1905 год. — Пермь, 1906.— С. 30—35.
- Серебренников П. Н. Пермский научно-промышленный отдел в 1907 году и сравнительная оценка деятельности его за предыдущее десятилетие // Десятилетие деятельности музея (1897—1907) и краткий отчет за 1907 год.— Пермь, 1910. — С. 15—49.
- Подвижной музей наглядных учебных пособий// Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1903 год. — Пермь, 1904. — С. 25—29.
- Серебренников П. Н. Подвижной музей Пермского научно-промышленного музея в 1910 году // Пермский научно-промышленный музей: Краткий отчет за 1909 и 1910 годы. --- Пермь, 1912. — С. 68—72.
- Серебренников П. Н. Подвижной музей Пермского научно-промышленного музея в 1911 году//Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1911 год. — Пермь, 1912.— С. 29—35.
- Серебренников П. Н. Помещение Пермского Алексеевского реального училища с гигиенической точки зрения: Из отчета училищного в р а ч а // ПГВ. — 1890.— Кя 88, 89.
- Серебренников П. Н. Пермский научно-промышленный музей в 1906 отчетном году//Отчет Пермского музея за 1906 год. — Пермь, 1907. — С. 8—18.
- Серебренников П. Н. Рождаемость и смертность в г. Ирбите за 17 лет (1865—1882) как критерий для определения санитарного состояния города / ПГВ. — 1884. — Ко 44—52, 54.
- Серебренников П. Н. Санитарно-педагогические задачи Пермского епархиального женского училища. — Пермь, 1891. — 30 с.
- Серебренников П. Н. Характеристика народной столовой как общественного учреждения // ПГВ. — 1899. — Ко 212, 215.
- Серебренников П. Н. Что необходимо знать каждому о холере?: Письма врача к пастырям церкви. — Пермь, 1892. — 14 с.
- Серебренников П. Н. Что сделал Пермский научно-промышленный музей как народно-просветительное учреждение? — Пермь, 1908. — 8 с.

Документы архивов

Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), ф. 796. Канцелярия Синода; ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Синода.

Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА СССР), ф. 546, 18-й подвижной артиллерийский парк.

Государственный архив Пермской области (ГАПО):

ф. 598. Серебренников Павел Николаевич, личный фонд;

ф. 65. Канцелярия пермского губернатора;

ф. 680. Пермский научно-промышленный музей;

ф. 67. Пермский губернский комитет попечительства о народной трезвости;

ф. 147. Пермский епархиальный училищный совет;

ф. 152. Пермское уездное отделение Пермского епархиального училищного совета;

ф. 271. Градо-Пермская Рождество-Богородицкая церковь;

ф. 613. Теплоуховы А. Ф., Ф. А., А. Ф., родовой фонд;

ф. р. — 926. Сиговы А. С., И. С., П. С., семейный фонд;

ф. р. — 790. Шварц А. К., личный фонд;

ф. р. — 973. Богословские П. С., И. С., семейный фонд. Государственный архив Коми-Пермяцкого автономного округа, ф. 7. Ошибская Дмитриевская церковь.

Литература о жизни и деятельности П. Н. Серебренникова

Бабушкин В. С. Врач Е. П. Серебренникова. — Пермь, 1957. — 47 с.

Белдыцкий Н. Светлой памяти Павла Николаевича Серебренникова // Пермские губернские ведомости. — 1917. — 20 сент.

Бирюков В. П. Записки уральского краеведа. — Челябинск, 1964. — С. 112—115.

В память женщины-врача Евгении Павловны Серебренниковой // Литературный сборник. — СПб., 1900. — С. 29—31.

Голубев П. А. П. Н. Серебренников: К 25-летию юбилею его деятельности. — Пермь, 1902. — 7 с.

Нечаева Е. М. Врач-просветитель // Веч. Пермь. — 1977. — 2 апр.

Нечаева Е. М. Доктор медицины: К 45-летию со дня смерти П. Н. Серебренникова // Календарь-справочник Пермской области, 1962. — С. 35—36.

Николаев С. Ф. Доктор медицины // Веч. Пермь. — 1969. — 20 янв.

Николаев. Ф. К 40-летию смерти П. Н. Серебренникова // Звезда. — 1957. — 23 апр.

Селезнева В. Т. Врач П. Н. Серебренников — видный общественный деятель // Советское здравоохранение. — 1966. — № 2. — С. 69—73.

- Селезнева В. Т. Выдающиеся деятели медицины дореволюционной Перми // 250 лет Перми: Материалы научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми». — Пермь, 1973. — С. 152—157.
- Селезнева В. Т. «Дедушка пермского прогресса»: К 130-летию со дня рождения П. Н. Серебренникова // Веч. Пермь. — 1979. — 20 янв.
- Селезнева В. Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. — Пермь, 1955. — С. 57, 109, 170, 181. .
- Селезнева В. Т. Уральские врачи в период революции 1905— 1907 г г . // Советское здравоохранение. — 1963. — № 6. — С. 61—65.
- Федоров С. Питомец медико-хирургической/ / Веч. Пермь. — 1974. — 19 янв.
- Царт М. Ученый, гражданин, п а т р и о т // З в е з д а . — 1964. — 3 апр.
- Пузов Т. Л. Пятидесятилетие Соликамского духовного училища Пермские губернские ведомости. — 1888. — № 85—87.
- 2 Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. — М., 1967. — Т. 1. — С. 93—94.
- 3 ГАПО, ф. р. — 973, оп. 1, д, 754, л. 60.
- 4 Отчет Пермского научно-промышленного музея з а 1902 год. — Пермь, 1903. — С. 65.
- 5 Систематический свод постановлений Пермского г убернского земского собрания. — Народное образование (1870— 1907). — Пермь, 1 9 1 0 . — Вып. 5, — С. 253.
- 6 Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1902 год. — Пермь, 1903. — С. 64— 65.
- 7 Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1902 год. — С. 65.
- 8 Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1902 год. — С. 65—66.
- 9 В память женщины-врача Евгении Павловны Серебренниковой: Литературный сборник. — СПб., 1900. — С. 60—62.
- 10 Серебренников П. Н. Опыт медико-топографического описания г. Ирбита Пермской губернии. — СПб., 1885. — С. 130.
- 11 Селезнева В. Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. — Молотов, 1955. — • С. 24.
- 12 ГАПО, ф. 598, оп. 1, д. 80.
- 13 Би р ю ко в В. П. Записки уральского краеведа. — Челябинск, 1964. — С. 112— 113.
- 14 ГАПО, ф. 598, оп. 1, д. 129, л. 11.
- 15 ГАПО, ф. р. — 973, оп. 1, д. 1280, л. 52.
- 16 ГАПО, ф. 598, оп. 1, д. 462.
- 17 ГАПО, ф. 598, оп. 1, д. 62, л. 97.

18 ГАПО, ф. 598, оп. 1, д. 479, л. 3.

19 Уральское общество любителей естествознания в Екатеринбурге возникло в 1870 году.

20 ГАПО, ф. 680, оп. 1, д. 123, л. 1.

21 ГАПО, ф. 680, оп. 1, д. 13, л. 41.

22 ГАПО, ф. 680, оп. 1, д. 47, л. 22.

23 ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 1392, л. 43-48.

24 ГАПО, ф. 463, оп. 1, д. 50, л. 6.

25 Пермские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. — 1897. — 1 нояб. — С. 559— 560.

26 ГАПО, ф. 598, оп. 1, д. 30, л. 1.

27 ГАПО, ф. 147, оп. 1, д. 629, л. 8.

28 ГАПО, ф. 598, оп. 1, д. 481.

29 ГАПО, ф. 147, оп. 1, д. 25, л. 158.

30 ГАПО, ф. 152, оп. 1, д. 8, л. 93.

31 ГАПО, ф. 598, оп. 1, д. 362, л. 1.

32 ГАПО, ф. 598, оп. 1, д. 346, л. 2.